

Владимир Григорьевич Колычев

Отпусти браткам грехи

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167553
Отпусти браткам грехи: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-29024-6

Аннотация

Закрутила Гарика Серегина любовь, спасу нет. Но Марина в его сторону и не глядит. Ничего, Гарик – человек упертый, своего добьется и в любви, и в бизнесе. Поднялся он круто – его автомобильная фирма «Кентавр» процветает. Гоняет он машины по всей стране. Хотя на такой лакомый кусок охотники всегда найдутся. Пашка Жук, бандитский авторитет, похитил Марину, пообещав вернуть ее только в обмен на фирму Гарика. Ладно, пускай забирает фирму, решил Гарик, Марина дороже. Но не лох он последний, чтобы свое просто так отдать. Гарик так все устроил, что Пашка Жук, забирая фирму, получит неприятностей по полной программе...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	37
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владимир Колычев

Отпусти браткам грехи

Часть первая

Глава 1

Ворота в гараж приоткрыты, слышны голоса – Степа что-то говорит, а девка хихикает. Против женщин Гарик ничего не имел, как раз наоборот, их общество приятно волновало его. Но не здесь и не сейчас. Гараж – святая святых, и дамам здесь не место. Оттолкнув ногой притершуюся к ней кошку, он крепко взялся за дверную скобу, напряг мышцы руки, пытаясь унять раздражение.

Успокоился, открыл створку ворот, зашел в гараж. Так и есть, Степа за рулем багги, а рядом на штурманском месте восседает Машка. Волосы растрепаны, помада на губах размазана, бесформенные пятна пунцового румянца на пухлых щеках растеклись до самых ушей. Голова откинута, глаза полузакрыты, рот разинут. Старое ситцевое платье трещало по швам под натиском пышного бюста и жирной мякоти боков. Степа одной рукой держался за баранку, другой шарил у нее под подолом, в раздолье бесстыже разведенных ног. Оба были так увлечены, что и не заметили Гарика.

– Я вам не помешал? – невозмутимо и в то же время жестко спросил он.

Степа испуганно встрепенулся. Плечи провисли вперед, голова слегка опустилась, губы скривила вымученная улыбка. Но глаза как были, так и остались шальными.

– Это, мы тут с Машкой... А что, нельзя?

– Можно. Машку за ляжку, – отчеканил Гарик. – Но на другом возу.

В армии он еще не служил, от пятидневных учебных сборов откосил по причине плоскостопия. Но среди его приятелей был Колька Груздь, он-то и рассказал, что говорил его старшина, когда обращение к нему начинали с «можно» вместо «разрешите».

– Но Машка хотела... – замямлил Степа.

– Машка всегда хочет, – оборвал его Гарик. – И всем дает.

Девушка уже вылезла из машины; стоит, опустив голову, разглядывает грязь под ногтями. И даже не пытается протестовать. Да, всегда хочет; да, всем дает... Но если бы Машка была образцом непорочности, Гарик бы все равно возмутился. Женщина и его багги – две несовместимые вещи. Та же Машка могла накликать беду.

– Извини, брат, – уныло вздохнул Степа.

– Огнетушитель с тебя, тогда в расчете, – сухо сказал Гарик.

– Что лучше, вермут или портвешок? – оживился парень.

– Какой портвешок? Обычный огнетушитель, автомобильный...

Гарик бы не отказался от портвейна, но сейчас его больше волновал огнетушитель, без которого его багги не допустят к соревнованиям.

Будь на месте Степы кто-нибудь другой, Гарик бы уже давно пустил в ход кулаки. Но, во-первых, они друзья. А во-вторых, посторонний человек просто-напросто не попал бы в гараж, поскольку ключ только у Гарика и еще двух человек из его команды.

– А я могу бормотухи принести, – виновато, но вместе с тем игриво улыбнулась Машка.

– И Ленку с Тонькой, – шельмовато улыбнулся Степа.

- Повода нет, – мотнул головой Гарик.
- Как это нет? Аппарат готов! Обмыть надо.
- Еще не готов. Крыло поставим, тогда готов.

Готовых крыльев для багги в продаже не было, их приходилось делать самим из дюралюминиевых листов. И обшивка рамы самодельная, из того же материала. Резать металл приходилось самим, и гнуть его, и алюминиевыми заклепками крепить к стальным трубкам-каркасам... Основная часть работы уже позади, осталась мелочь.

- Ну, так поставим и обмоем, не вопрос! – не унимался Степа.
- Обмоем, – кивнул Гарик. – Как все сделаем, так и...

Договорить ему помешал ворвавшийся в гараж желтолицый старик с клюкой. Глаза навыкате, щеки раздуты, подбородок трясется – то ли от негодования, то ли от немогости; скорей всего, и от того, и от другого.

- Вот они, товарищ капитан! Вот они!

Гарик уважал старость, к тому же он знал деда. Петрович с улицы по соседству, подпольная кличка – Пердович. Но тот совершил недопустимую оплошность – ударил палкой по фаре. Гарик не выдержал и схватил его за грудки.

- Отставить! – гаркнул вошедший в гараж офицер в форме капитана милиции.

Гарик разжал руки, оттолкнул старика от себя.

- Видите, товарищ капитан! – взвыл тот. – Видите, что вытворяют, сволочи!

Подбородок затрясся еще сильнее, с губ на белый парусиновый пиджак свесилась жирная нитка слюны.

- Я сказал, отставить! – тем же грозным голосом повторил милиционер.

Немолодой мужчина, среднего роста, кряжистый. Черты лица резкие, волевые. Форма на нем была мягкая, но, глядя на него, можно было подумать, что только в таком виде она и носится.

- Он меня ударил! – угрожающе взмахнув клюкой, взвизгнул Пердович.

- Разберемся.

- И машину мою он украл!

- Но я не вижу здесь вашего «Запорожца».

Офицер с интересом рассматривал машину.

- А они его разобрали! – вопил старик. – Страшилище из него сделали!

- Да нет, не страшилище, – не согласился капитан.

В гараже не хватало света, он не поленился – распахнул вторую створку ворот. Похоже, багги ему нравился.

– Да вы только посмотрите на них! Это же типичные уголовники! И шлюха с ними! Развели малину! Я за ними давно смотрю!

Машка не отличалась сообразительностью, но все же до нее дошло, кого называли шлюхой. Если бы Гарик ее оскорбил, она бы стерпела. Но желчный Пердович не был для нее авторитетом.

- Кто это шлюха?! – с визгом возмутилась она.

И с угрожающим видом шагнула на деда. Испугавшись, он пятился от нее, пока не убрался из гаража. Машка продолжила бы наступление, если бы офицер не остановил ее движением руки.

- Кто такая?

- Маша я.

- Тихо, Маша...

- Я Дубровский, – хмыкнул Степа.

- Разве я давал тебе слово? – жестко глянул на него капитан.

- Но я правда Дубровский... То есть Домбровский, – смущенно проговорил Степа.

Ростом он был на целую голову выше милиционера и в плечах пошире. Одним словом, амбал. И в драке всегда первый. Но с той же легкостью, с какой крушил вражьи челюсти, он попадал под влияние сильных людей. Капитан смог произвести на него впечатление, и, можно не сомневаться, Степа не посмеет бунтовать. А к старику его лучше не подпускать: убить может.

– Домбровский, Домбровский. Что-то знакомое... А ты кто?

Офицер пристально смотрел на Гарика, но тот выдержал его взгляд.

– Серегин моя фамилия.

– И про Серегина слышал...

– А вы, простите, кто? Я вас не знаю.

– Капитан Шишов, ваш новый участковый. Старый участковый про вас рассказывал...

Общественный порядок нарушаем?

– А пусть не лезут, – сказал Гарик, исподлобья глянув на капитана.

Были у него приводы в милицию. Район у них маленький, но беспокойный. Деревообрабатывающий комбинат и автобаза, рабочие общежития, ветхий жилфонд, частные халупы, оставшиеся с послевоенных времен; одним словом, трущобы. А рядом, особняком, спальный микрорайон, сплошь высотные крупнопанельные дома. Все это так называемый восьмой район города. Два кружка, из которых состоит цифра «восемь». Рабочее гетто и оазис благополучия, и везде свои отчаянные головы. Одна школа на всех, одно профтехучилище, один клуб с дискотекой и танцплощадка. «Старые» на «новых», «новые» на «старых», драки, поножовщина – обычное дело. Один раз Гарик лежал в больнице с раной в боку: ножом полоснули; второй – с проломленной головой и треснутым ребром. Синяки, ссадины, выбитые зубы, шрамы от цепей и кастетов – не в счет. И от милицейских нарядов убегать приходилось, увы, не всегда удачно.

– Эх, пацаны, пацаны, так ведь и до беды недалеко, – покачал головой капитан.

– Да мы пацаны мирные, это «новые» борзеют, – угрюмо сказал Степа.

У него тоже были шрамы – и после драк, и после общения с представителями закона.

– Сколько у вас уже предупреждений? – насмешливо глянув на него, спросил Шишов.

– Если на всех, то много.

– И если на каждого, тоже много, – кивнул Гарик.

– Так ведь и до тюрьмы допрыгаться можно... Что это у вас такое?

Капитан нежно провел рукой по шероховатой поверхности верхней дуги безопасности.

– Багги, – с гордостью сказал Гарик.

– Собственного производства, – добавил Степа.

– Да вижу, что не заводского... Какого класса? Нулевого?

– Зачем нулевого? – оскорбленно протянул Гарик. – Нулевой – это мотоциклетка. А у нас первого класса, чисто на базе «Запорожца»...

– Ну вот, сам и признался, что «Запорожец», – совсем не весело усмехнулся Шишов.

– Ну, «Запорожец», ну и что? Так мы на барахолке все брали. Движок, коробка, ходовая, все оттуда...

– А у гражданина Хоркина пропал автомобиль марки «АЗ-968».

– Да, но паспорт у него на машину остался. Пусть несет, сверим номера двигателя, в чем вопрос.

Гарик не отличался примерным поведением. Директор школы втайне перекрестился, когда он после восьмого класса поступил в профтехучилище. Там, правда, он был на хорошем счету, потому что любил автодело, которому обучался. Последний год подрабатывал на автобазе слесарем, на полставки. В свободное время, когда не занят был в своем гараже, куролесил. Дискотеки, драки, пьяные выходки... И чего уж греха таить, посматривал он на

«Запорожец» Пердовича, стоящий на приколе без колес у ворот его домика. Но все-таки удержался от искушения, поэтому совесть у него чиста.

– Ты в этом уверен? – внимательно посмотрел на него капитан.

– Абсолютно.

– Ну хорошо... Анатолий Петрович!

Старик зашел в гараж – с опаской и плохо скрытым благоговением перед Машкой.

– Паспорт транспортного средства у вас? – спросил участковый.

Пердович мотнул головой и отправился домой за документами. А капитан снова обошел машину.

– Красота.

– Еще не совсем готова.

– Но уже на ходу?

– Само собой.

– Мощность движка?

– Шестьдесят лошадок. По стандарту сорок, но мы на пятьдесят процентов увеличили.

– Интересно. И как это у вас получилось?

– Да просто. Дело мастера боится, – самодовольно улыбнулся Гарик. – Поршни шатунами подогнали по массе, сбалансировали коленчатый вал с маховиком и сцеплением... Выпускную систему перенастроили... В общем, мотор – зверь!

– Неплохо, неплохо. Коробка тоже зацовская?

– Ну да. Мы ее тоже усовершенствовали.

Стандартная коробка передач мало подходит для кроссового авто. Четвертая передача практически не нужна, а интервал передаточных отношений между второй и третьей скоростью слишком большой. Пришлось Гарику ставить шестерню третьей передачи вместо четвертой, а вместо третьей – зубчатую пару кустарного производства... Все по уму сделано, качественно и надежно. Впрочем, кросс покажет, что да как...

– Сами все собрали? – спросил Шишов.

– От «а» до «я».

– Испытывал?

– Нет. Но через две недели соревнования.

– Где?

– У нас, на автодроме.

– Где это у вас?

– Автобазовский автодром, – без воодушевления сказал Гарик.

Автобаза, где он работал, была самой крупной не только в городе, но и в области – только дальнобойных грузовозов более пятидесяти единиц. Но полигон на пустыре язык не поворачивался назвать автодромом. И тем не менее он имел место быть на бумаге, более того, при нем даже была организована секция автогонок. Возглавил ее энтузиаст дядя Костя, в прошлом призер союзного первенства по трековым гонкам. Тренер бросил клич, Гарик откликнулся – собрал свой первый багги на базе допотопного мотоцикла, но машина не выдержала испытания гонкой, рассыпалась в прах на третьем заезде по бездорожью автодрома. Но Гарик человек упрямый, вместе со своими друзьями он фактически с нуля собрал вторую машину. Скоро соревнования, к этому времени он должен обкатать аппарат, готовить его к заезду. Уровень состязаний – любительский, но конкурентов будет немало.

– Враги ваши тоже участвуют? – спросил участковый с таким видом, будто речь шла о чем-то самом обыденном.

– Какие враги?

– Насколько я знаю, вы их «новыми» называете.

– «Новые»?!. Да, «новые» будут. Две машины выставят, а может, и три...

- Где отношения выяснять будете, на трассе или в поле? – мрачно усмехнулся Шишов.
- На трассе, – серьезно сказал Гарик.

И мысленно добавил, что, скорее всего, и в поле. Если победят «старые», на них ополчатся «новые», если наоборот, то реванш захотят взять «старые».

– Правильно, кто сильнее, нужно решать в честном споре, – назидательным тоном сказал участковый. – Когда соревнования?

– Восемнадцатого июня.

– Приду, посмотрю... Если, конечно, агрегаты на машину не ворованные...

Старик Пердович принес паспорт, Шишов сверил номера двигателя и шасси, но сходства не нашел.

– Неплохой ты парень, Серегин, и не хотелось бы, чтобы тебя тюрьма воспитывала...

– А что я такого сделал? – надулся Гарик.

– На учете ты состоишь, предупреждениями оброс. Делом, смотрю, занимаешься, вот и занимайся. А в драки не лезь. Ты меня понял?

– Понял.

Гарик не хотел в тюрьму и предостережение капитана Шишова воспринял всерьез, но...

Они со Степой ваяли крыло для багги, когда в гараж влетели Тема с Михой. Один худенький, но шустрый, другой крупный, но в быту малость неповоротливый – зато в драке быстрый и резкий, как взбешенный медведь.

– Гарик, нашли козла! – сообщил запыхавшийся Миха.

Черные волосы взъерошены, скуласто-щекастое лицо в пыли и бороздках, которые оставляли скатывающиеся со лба капли пота. Глаза большие, с длинными и пышными, как у бабы, ресницами, горячечный блеск в них.

– Седьмая школа, в спортзале они там сейчас, – добавил Тема.

Маленький, рыжий, с бесцветными глазками. Распухшая губа, под глазом фингал. Одет не лучше и не хуже других – несвежая клетчатая рубаша и темно-синие брюки из комплекта пэтэушной формы, запыленные туфли со сбитыми носками и надорванной подошвой.

– Седьмая школа? Не близко, – заметил Гарик.

– Ничего. До остановки пешком, а там на автобусе, через двадцать минут будем на месте...

– А они точно сейчас там?

– Тренировка у них. Еще час там заниматься будут, – пояснил Тема.

Позавчера он вечером гулял по центру города, с девчонкой какой-то, говорит, задружил. Проводил ее домой, а по пути к автобусной остановке нарвался на каких-то спортивных ребят. Слово за слово, удар ногой в живот, добавочный – в лицо. В общем, сбили Тему с ног, намяли бока... Обидчиков он запомнил в лицо, вчера и сегодня с утра вместе с Михой искал их в центре города. Похоже, нашел.

– Тренировка? Чем они занимаются?

– Да ерунда, карате, – небрежно махнул рукой Тема.

– У тебя эта ерунда под глазом светится, – усмехнулся Гарик.

– Так их пятеро было. Я одному в глаз так зарядил... – начал было парень.

Но Гарик его осадил.

– Хорош трепаться. Давай за Ромчиком иди, он сейчас дома, после вчерашнего. А ты, Миха, давай за Колькой...

Гарик умел все – и до победы драться, и проигрывать. Поэтому его не пугала предстоящая разборка с каратистами. Возьмут верх – отлично, нет – в следующий раз большую толпу соберет, реванш брать будет. А то, что в нос получить можно или в печень, так это дело житейское... О том, что драку вообще не следовало затевать, Гарик не думал. Какие-то

ублюдки обидели человека из его команды, он обязан был отомстить им. А то, что Шишов сказал, так это сейчас не имело для него никакого значения...

Он успел собрать толпу, привел ее к седьмой школе. Полдень, солнечно и жарко. Воскресный день, четырехэтажное здание пустует, на спортивной площадке никого, кроме девяти человек из команды Гарика. Некому бросать мяч в баскетбольное кольцо с дощатым щитом, в волейбол никто не играет, турник пустует. Парням сейчас не до развлечений. Асфальт под ногами нагревает не только солнце, но и рвущаяся наружу энергия боевого духа. Стальные прутья, цепи – все это пока в сумке, чтобы не привлекать внимание со стороны. Кастеты и ножи в карманах. Нельзя трогать «восьмой» район, за это бьют смертным боем. И горе тому, кто этого не понимает...

Каратисты выходили из зала небольшими группами. Фирменные джинсы, стилижные футболки, кроссовки, почти у всех модные спортивные сумки. Приличные парни из благополучных семей. Они не знают, что это такое – двухэтажные дома без удобств и с печным отоплением, когда вода и сортир на улице, а дрова нужно таскать из сарая по скользкой, а порой и облеванной дорожке. Их отцы не жрут водку с утра до вечера, не бьют своих жен и сыновей почем зря, им не приходится жить в нищете, голодать, не зная, на что купить обувь и одежду... Так думал Гарик, с неприязнью рассматривая благообразных мальчиков. Им было лет по пятнадцать-шестнадцать, высокие, крепенькие, чувствовалось, что им неведомо такое понятие, как дефицит веса. Возможно, они были отличными бойцами, но Гарик не видел в них серьезного противника. Да, они умеют кричать «кия», могут высоко махать ногами, молотить по макиварам, соперничать друг с другом в бесконтактных поединках, но им неведом такой стиль, как уличная драка...

– Идут! – взвелся Тема.

Из дверей спортзала на широкое крыльцо вышли высокие, спортивного сложения ребята лет восемнадцати. Шесть человек, один с фингалом. Пыльный ветер швырнул обрывок газеты к их ногам, но никто из них не обратил на него внимания. Парни видели перед собой компанию, символом враждебных намерений которой был Тема.

– Это что такое? – дрогнувшим голосом, но напоказ самонадеянно спросил светловолосый кучерявый паренек с длинным и еще не искривленным носом.

– А ты не знаешь? – хищно сощурился Гарик.

Когда-то давно он как огня боялся драк. Боялся, но выходил против обидчиков. Мысли путались, руки дрожали, ноги подкашивались. Но ничего, со временем справился с трясучкой, научился думать быстро, а бить точно. Сейчас он всего лишь опасался противника, и это никак не отражалось на его поведении. Он смело и уверенно смотрел на кучерявого, заставил его отвести в сторону взгляд.

– Тема? Эти?

– Они, падлы... Этот ногой ударил.

– Удар новый отрабатывал, сука? – жестко спросил Гарик.

– А ты чо, борзый? – завелся кучерявый.

И он, и его дружки уже поняли, что драки не избежать. Более того, это осознали парни помоложе из тех, что не успели далеко уйти. Они уже шли к своим старшим товарищам... Но Гарик уже исчерпал словесную часть разговора. Далее в ход пошел силовой аргумент.

Он резко подался вперед и, не поднимая рук, в своей излюбленной манере ударил кучерявого лбом в нос. Тот даже не успел поставить блок или хотя бы податься назад. И удар выдержать не смог, с воем присел на землю, хватаясь за приплюснутый нос.

– Гаси каратюг! – заорал Тема.

Гарик заметил, как пригнулся он, пропуская над головой чью-то ударную ногу.

Миха в свою очередь заставил пригнуться противника и даже получил кулаком в пах, но это его лишь еще больше разозлило. Кулаки закрутились в бешеной карусели, каратист

пытался что-то предпринять, но ему явно не хватало той силы натиска, которой обладал Миха... И Степа знал свое дело, и Ромчик, и Колька, и все остальные. Но и каратисты кое-что соображали в кулачном бою. Драка завязалась нешуточная.

– А ну прекратить! – услышал Гарик грозный мужской голос.

И тут же в правом ухе зазвенело. Кто-то из каратистов заехал ему ногой в ухо. Но противнику не хватило мощи, чтобы сбить его с ног, зато он смог взять ногу в захват. Дальше проще, удар коленкой в пах...

– Да что это такое!

Он увидел несущегося на него разгневанного мужчину в распоясанном кимоно. Сообразил, что это тренер каратистов. Но не смог остановиться. И когда тот подскочил к нему, чтобы оторвать от своего ученика, со всей силы двинул его локтем в подбородок.

– Ах ты, ублюдок! – рассвирепел тренер.

И в свою очередь ударил его раскрытой ладонью по шее.

В этот раз у Гарика зазвенело в обоих ушах, в глазах заплесала Большая Медведица, в мышцах рук образовалась вдруг предательская пустота, коленки подкосились. Ему стоило труда удержаться на ногах.

Это был нокаут. И если бы тренер провел удар на добивание, Гарик бы сейчас лежал пластом.

– Хватит! – гаркнул мужчина.

Драка прекратилась, враждующие стороны разошлись. И только Гарик не хотел останавливаться.

– А пошел ты на...!

Это был явный перебор с его стороны, но такой уж он человек – если драться, то до конца.

– Что?

Тренер попытался схватить его за шкурку, но, похоже, он так и не понял, с кем имеет дело. Он неосторожно подставил свое лицо под удар, и Гарик провел свою «коронку» – головой в нос.

Удар оказался настолько мощным, что на какое-то мгновение он сам потерял сознание. В себя пришел по пути к земле и каким-то чудом сумел восстановить равновесие. Тренеру же совсем не повезло. Он сидел на корточках, ладонями сжимая расквашенный нос. Завидев, что Гарик поднялся во весь рост, также попытался встать, но, покачнувшись, вернулся в униженное положение.

Добивать его Гарик не рискнул. Да и зачем, если каратисты в замешательстве, желания продолжать бой у них нет. И тренер их в полном ауте. Значит, победа...

– Знай наших! – торжествующе усмехнулся он и, пошатнувшись, повернулся к противнику боком.

Пора уходить...

Только по дороге домой он понял, что сумка с «инструментом» осталась нетронутой. Не понадобились его парням пруты и цепи, без этого справились с каратистами. Это ли не победа...

Глава 2

Мама чуть не плакала, глядя на него. Пьяный, побитый, в разорванной рубашке, в глазах идиотское счастье.

– Ну и на кого ты похож? – распекающим тоном спросила она.

Ей было всего сорок, но выглядела больше чем на пятьдесят. Морщинистый лоб, землистого цвета лицо, оплывшие щеки в сизых прожилках, красные от лопнувших капилляров глаза. Старый затертый халат, расклеенные шлепки на босу ногу. А полы в квартире студеные даже летом, в самую жару.

– На отца! – вставила слово сестра.

Настя всего на три года была старше Гарика, но уже успела побывать замужем и развестись. В память об этом событии у нее на руках осталась двойня. Лешику и Даниилке по году; смышленные малыши, но вечно голодные. Жить ей негде, кроме как у родителей.

А квартира маленькая, всего две комнаты. Одну, самую крохотную, занимала она со своими «спиногрызами», а Гарика приходилось делить гостиную с родителями. И в тесноте, и в обиде...

– Дома жрать нечего, а он деньги пропивает! – не унималась Настя.

Она была худенькой, тонкошейей, но – непонятно почему – щекастой. И когда она говорила, то становилась похожей на жующего хомяка.

Не понятно, на какое слово отреагировали Лешик с Даниилкой – «жрать» или «деньги», – но взвыли они хором. Глаза в слезах, сопли до пола, босые ноги в цыпках.

– Ты дура, – нахраписто глянул на сестру Гарик. – Почему дети босиком?

– А обуть потому что не во что! Все деньги пропиваете! – ничуть не смутилась Настя.

– На свои пью, – буркнул Гарик.

Он действительно был под градусом, но не настолько, чтобы отключилась соображалка.

– Ага, и отец так говорит! А в доме шаром покати!

– Ладно тебе...

Он достал из кармана три смятые рублевки.

– На тебе... Послезавтра зарплата будет...

– Да иди ты!

Настя оттолкнула его руку, купюры вывалились из нее, просыпались на пол. Только тогда он сообразила, что поступила глупо, нагнулась, собрала деньги.

– Эх, Игорь, Игорь, – сокрушенно покачала головой мама.

– Нормально все... С завтрашнего дня ни-ни!

– Кто б зарекался, – презрительно фыркнула Настя.

– А я сказал, ни-ни...

Крыло на багги сегодня так и не поставили, но повод выпить все же нашелся – нельзя было не обмыть победу над каратистами...

На танцы не пошли – нечего синяками светить на радость «новым». Разместились за самодельным столиком в любимом овраге; Машка и вина принесла, как и обещала, и подруг своих привела. Гарик не прочь был повеселиться, но даже после водки он не смог залезть к Ленке под юбку. А Тонька была еще страшней... Так и ушел домой ни с чем. Пьяный, но не удовлетворенный...

А пить действительно больше не надо. Ни к чему хорошему это не приведет: сопьешься, и вся жизнь наперекосяк. Тем более что цель у него в жизни появилась – автогонщиком стать. Есть первые успехи, есть перспектива... Обычную машину можно водить и пить между делом, а трековые гонки – дело серьезное, там навеселе многого не добьешься...

– Спать пойду...

Из тесноты коридора Гарик прошел в комнату, где стояла его раскладушка. У мамы больные руки, стирает она редко, поэтому белье не свежее, но ему все равно.

Убогая комната, нищенская обстановка, запах помоев, потому что через окно по несколько раз на дню прямо на улицу выплескиваются нечистоты. Жарко, душно, даже воды не попьешь, потому что для этого во двор идти надо. Про еду и говорить нечего, на кухне из мясных блюд только тараканы... И что это, спрашивается, за жизнь?

Гарик лег на раскладушку, заложил руки за голову, закрыл глаза. Сам он так жить не будет. Будет крутить баранку на дальнобойном грузовике, хорошо получать. Выиграет первенство Союза по автогонкам, за что получит квартиру в центре города. Женится, заведет детей, будет жить как человек... Лишь бы не спиться.

Жарко. И окно не откроешь: во-первых, с улицы воняет, а во-вторых, Настины дети сквозняка боятся. Были бы двери в комнатах, так нет ничего... И спать не хочется. Вроде бы и клонит в сон, но что-то не дает покоя.

Новая жизнь маячит на горизонте, но не ухватиться за нее руками, если стоять на месте. Крыло для машины надо было сделать, а он дурью весь день промаялся. А до соревнований осталось всего ничего...

Гарик даже протрезвел от мысли, что может не успеть к заезду. Вскочил с раскладушки, вышел в прихожую.

– Что, мало налили? – язвительно крикнула вслед Настя.

Но Гарик не обратил на это внимания. Вышел из дома, пересек захламленный, поросший травой и загаженный куриным пометом двор. Ночь, фонари есть, но все лампочки разбиты. В темноте смутно угадываются очертания приземистого, давным-давно и на тяп-ляп возведенного строения, занятого под гаражи и сараи; длинное, одно на всех жильцов четырех-, двухэтажных домов. Кто-то мотоцикл здесь держит, большинство домашний хлам хранит, а у кого-то и куры под замком во сне подкудахтывают. У Гарика в гараже машина, гордость кустарного автопрома. Друзья, конечно же, помогают ему, но что уж и говорить, все держится на его энтузиазме. Степе, Михе и Ромчику больше нравилось над боксерской грушей в сарае издеваться. И в училище они ходили под принуждением, и романтика больших дорог прельщала их мало. Так и пропадут в этой жизни, пьянки-гулянки, толстые потные жены...

Гарик открыл гараж, включил свет. Стоит его ласточка, тускло поблескивая дюралюминиевыми боками. Крыла одного нет, но это не помеха. Хоть сейчас можно сесть за руль и отправиться в путешествие по ночному городу. Бензин в баке есть, на пару часов хватит... Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не сдаться на милость авантюрной идее. На пьяную голову можно бед натворить. И не для того он сюда пришел, чтобы ночные гонки устраивать. Крыло надо доделать, тем более что немного осталось...

Старые, с оторванными креплениями часы «Слава», приклеенные к стене суперцементом, показывали половину второго, когда крыло наконец встало на место. К этому времени хмель из головы почти выветрился, но Гарику хотелось спать, и он позволил себе лишь завести машину, чтобы послушать, как она работает. Впрочем, он тут же заглушил мотор, поскольку его самого смутил высокий уровень шума. Ночь, люди спят, а завтра рабочий день – у всех, и у него, кстати, тоже. Сейчас у него выпускные экзамены, к которым он совершенно не готовился: в любом случае «уд.» гарантирован. Закончит училище, в июле отметит совершеннолетие, после чего, возможно, получит грузовик в свое пользование. Шоферить будет, пока по «малому кругу», а со временем на дальнобой выйдет. Обучение у него было серьезное – в правах открыты все категории от «А» до «Е»...

Он уже собирался идти домой, когда к нему в гараж неожиданно-негаданно пожаловала гостья. Он оторопел, глянув на представшую перед ним женщину.

Не молодая уже дама, явно за тридцать, но как ухожена, как одета. Роскошный парик с кудряшками светло-серых волос по самые плечи, красивое широкое лицо, крупные густо накрашенные глаза с надломленными верхними веками, большой рот, жирно накрашенные губы. Грудастая, широкобедрая, животик аккуратный, без жировых наслоений. Красное, средней длины платье на одной бретельке, белая сумочка и туфли того же цвета на высоком каблуке. Знакомый запах «Красной Москвы», который раздражал, когда им душилась Настя, – сейчас же он казался верхом совершенства, хотя и был смешан с коньячным амбре.

– Привет! – опершись рукой о верстак, шаловливо хихикнула она.

Гарик догадался, что женщина пьяна. Это придало ему смелости.

– Здравствуйте, – кивнул он.

– Здравствуйте? – дурашливо возмутилась она. – Разве я такая старая, что ты со мной на «вы»?

– Нет, просто где-то я вас видел...

Лицо действительно знакомое.

– Не узнаешь?

– Может, в «Огоньке».

– В «Работнице», – хмыкнула она.

– Что, правда в «Работнице»?

– Ага, сейчас... Соседи мы. Инга меня зовут. Из первого дома я.

– А я из третьего...

– Знаю. Мне Маринка все уши прожужжала... Ничего, если я присяду? – Она взглядом показала на штурманское сиденье.

Гарик думал не долго. Казалось бы, женщина в его багги – к несчастью: сегодня он в том убедился. Не успел выгнать из машины Машку, как появился участковый с претензиями и нравоучениями... Но то Машка, а это, пожалуй, лучшая из женщин, что встречал он в своей жизни.

– Конечно!

Посадка у багги низкая, дверей нет – он только подал Инге руку, а она уже сидела в машине. Видно, ей тяжело было стоять, поэтому она торопилась найти опору под свое мягкое место. В спешке подол платья задрался, обнажив больше чем наполовину крепкие загорелые бедра. Красивые ноги, стройные, сильные. Хотел бы Гарик провести по ним рукой... Хотя бы просто провести...

– Вспомнил, где меня видел? – насмешливо глянув на него, спросила Инга.

– Нет, – пожал плечами.

– Зато сейчас видишь... Ты извини, что так поздно.

– Да нет, нормально...

– Устала я что-то, отвыкла от каблуков... Можно я туфли сниму?

Избавляясь от обуви, она приподняла ногу, отчего подол платья еще больше сполз вверх по бедру. Гарик боялся пошевелиться, как будто неосторожное движение могло всполошить ее и призвать к целомудрию. Он очень не хотел, чтобы она оправила платье.

– Загуляла старая вешалка, – в самоироничном тоне, но совсем не весело сказала она.

– Кто загулял?

– Я загуляла. Старая вешалка.

– Ну как же вы старая?

Гарик осторожно обошел машину, занял водительское место. Краем глаза глянул вправо-вниз. Подол платья все так же задран, ноги слегка разведены в стороны.

– Ну, ты же со мной на «вы», значит, старая, – с тусклой улыбкой сказала она.

– Зачем на «вы», на «ты»... И где ты гуляла?

– Уже лучше... – поощрительно глянула на него Инга. – А где гуляла? Да так, просто по улице прошлась... Бес в ребро клонул. Маринку спать уложила, накрасилась, надела лучшее платье... э-э, выпила для храбрости...

– Для храбрости? А кого бояться?

– А то ты не знаешь. У вас же район бандитский...

– У кого это у нас? Сама здесь живешь...

– Я недавно здесь. Квартиру от бабушки получила, в наследство. А до этого в Ленинграде жила, на Невском проспекте. В коммуналке, правда, но все равно в сто раз лучше, чем здесь...

– Ну и оставалась бы там, чего сюда приехала? – недовольно спросил он.

Инга угадала его настроение.

– А ты что, обижаешься? – удивилась она.

– Нет.

– Да ты не обижайся, я же не со зла... Ты когда-нибудь был в Ленинграде?

– Нет.

– Там сейчас белые ночи, а здесь в десять уже темнеет. Не люблю темные ночи... А ты Гарик, правильно?

– Гарик, – кивнул он. – А Маринка – это кто, дочка твоя?

– Дочка.

– А папашка где?

– Смотри, какой любопытный! – заигрываяще возмутилась она.

– Извини.

– Ладно... Не бойся, ее папашка сюда к нам не придет.

– Да я и не боюсь.

– Знаю, что не боишься. Тебя самого бояться надо.

– Зачем меня бояться? – огорченно спросил Гарик. – Я что, страшила?

– Да нет, не страшила. Довольно-таки интересный парень... Что это у тебя такое?

Она повернулась к нему, боком опершись о жесткую спинку сиденья. Двумя пальцами провела по синяку под его правым глазом. Прикосновение нежное, пьянящее. Гарик ощутил сильный толчок внутри себя.

– Фонарь, – усмехнулся он. – В нагрузку к фарам. Дополнительное освещение.

– Хорошая у тебя машина. Багги?

– Багги.

– А не прокатишь?

– Эх, прокачу! – весело подмигнув Инге, улыбнулся Гарик. И, вспомнив, что машина открытая, спросил: – А не замерзнешь?

– Если не согреешь, то да, замерзну! – кокетливо повела она глазками.

Он понимал, что женщина ждет от него решительных действий.

– И как тебя согреть?

– Можно спиртом, – игриво хихикнула она. – Посредством внутреннего применения.

– А как насчет растираний? – спросил он.

И положил руку ей на коленку.

– А спирт у тебя есть?

Она не стала отбрасывать его руку, лишь вяло дернула ногой, без всякого на то желания призывая к скромности.

– Нет. Но я знаю, где взять...

Денег у него не было, но на точке, где торговали самогоном, ему не откажут, дадут в долг.

Ничего из спиртосодержащего у Гарика не было, зато имелась старая потертая брезентовка, которую он набросил на плечи женщине, которую уже мысленно считал своей.

– Спасибо!

Она поежилась, закутываясь в куртку.

– Можно ехать? – спросил он, открыв ворота.

– Полный вперед!

Он не стал прогревать мотор и газовать не стал, чтобы не шуметь чересчур. Как бы не спохватилась Инга, что ее дочь может проснуться... Но нет, похоже, о доме она и не думала. Голова поднята, глаза сощурены, чтобы не задувал в них воздушный поток. Сиденье жесткое, дорога колдобистая, но ей все равно...

– Как ты? – закладывая вираж, спросил он.

– Вот, новый поворот! – восторженно запела она. – И мотор ревет, что он нам несет?...

Багги на скорости неся по темным улицам частного сектора. Еще немного, и будет дом, где в любое время дня и ночи можно раздобыть первач. Гарик начал притормаживать.

– Не надо! Гони! – потребовала Инга.

– А как же растирания?

– И без того хорошо!

Она сидела, безвольно свесив руки, запрокинутая голова болталась в такт движения. Глаза слишком широко раскрыты, на губах неестественная улыбка. Гарик смекнул, что в женщине всколыхнулись «старые дрожжи», ее развезло и она сильно пьяна.

Жилой квартал закончился, машина неслась по загородному проселку. Инга молчала, невменяемо улыбаясь ночному небу. С рычага коробки передач Гарик переложил руку ей на коленку. Женщина не возмутилась, более того, шире раздвинула ноги...

Крутой съезд, тряская дорога через пшеничное поле, пролесок, пустынная полянка на изгибе реки. Гарик остановил машину, заглушил мотор. Где-то рядом шептала река, в поле свистели сверчки, но парень слышал только, как шумит в ушах пульсирующая кровь.

Ничего не говоря, Инга сама вышла из машины, подняв вверх руки, развела их, будто пытаясь обнять ночь, но пошатнулась. Она бы упала, если бы Гарик не помог ей сесть. Трава еще сухая, и земля не успела остыть после вчерашнего уже солнца. Но все же он подстелил под женщину брезентовку, когда укладывал ее на спину.

– Зачем? – спросила она.

Глаза у нее были закрыты – как у страуса, собравшегося сунуть голову в песок. Она знала, что собирается делать Гарик, понимала зачем и не хотела сопротивляться.

– Затем...

Она лишь изнеженно улыбнулась, когда он полез к ней под юбку. И даже сама распахнула ноги, согнув их в коленях...

У Гарика были женщины, но ни одна из них и близко не могла сравниться с Ингой. Все молодые, но все такие страшные, что вспоминать не хотелось. Инга уже в годах, но какое у нее лицо, какое тело... И как приятно гладить ее живот, бедра; кожа нежная, чуть влажная... Но почему не пробуждается в нем вулкан? Магма не закипает, жерло не разбухает и не твердеет...

Гарик запаниковал. И так, и эдак, но ничего, вяло и мало. В конце концов Инга поняла, что у них ничего не выйдет. Отталкивать его не пришлось, он сам поднялся.

– Может, руку подашь? – насмешливо спросила она.

Он помог ей подняться.

– Ну хоть это, и то хорошо...

Гарик обиженно промолчал. Сел в машину, закурил.

– Ничего, в первый раз так бывает, – иронично сказала Инга.

– Не в первый... – буркнул он. – Просто выпил много.

– А-а... Домой меня отвези, холодно что-то.

Всю дорогу она сидела, закутавшись в брезентовку, и молчала. Хоть бы раз взглянула на него, улыбнулась... Гарик также безмолвствовал. Обида не давала покоя. Лучше бы его в драке сегодня убили, чем терпеть такой позор...

Глава 3

Багги – послушная машина. Но на выходе из крутого поворота, на реактивном разгоне расслабляться ни в коем случае нельзя. Задние колеса пытаются обогнать передние, чуть зазевался – и все, встреча с кюветом тебе гарантирована... А поворот очень крутой, скорость огромная, машину трясет немилосердно. Гарик успел скорректировать руль, смог удержать багги на «газу». И едва не врезался в машину, шедшую впереди него. Справился с управлением, обошел соперника...

– Задолбешься пыль... – начал было сидевший рядом Степа, но поперхнулся той самой пылью, закашлялся.

В этот момент, слетев с бугра, как с трамплина, машина плюхнулась на задние колеса, пилота и штурмана тряхнуло так, что при открытом рте можно было прикусить язык. И хорошо, что Степа глотнул пыль и замолчал. Но плохо, что не успел подать тело в сторону, когда Гарик бросил багги в очередной вираж. Машину занесло, но и в этот раз он справился с управлением, только вот его соперник, оставшийся было сзади, поравнялся с ним. Номер «пятый», Ленька Чук из нового микрорайона. Его штурман показывает Гарику кулак. Надо запомнить, чтобы потом спросить. А пока с конкурентом он мог бороться только спортивными методами. Дави на «газ», вперед...

«Вот, новый поворот! Что он нам несет?...» Песня «Машины времени» в исполнении Инги... Две недели прошло с тех пор, как Гарик потерпел фиаско. Но с тех пор он даже не пытался найти ее, поговорить. Стыдно было показываться ей на глаза... Но сегодня он дал зарок: если победа в гонках останется за ним, то Инге быть... Вперед! Вперед!!.. Новый поворот на крутом вираже. И что он там несет?... А то, что Ленька остался далеко позади. И к лидирующему авто Гарик приблизился вплотную. И здесь парень из «новых», Пашка Жук. И в драке первый боец, и в гонке...

«Новые» опасны не только в уличном побоище. К автогонкам они отнеслись всерьез и с размахом. Живут они побогаче, возможностей у них побольше, поэтому на соревнования они выставили целых три машины против одной у «старых». Еще с центра города две, и с других районов – пять. Но вперед вырвались только двое – «старый» Гарик и «новый» Пашка. Да еще Ленька сзади поджигает...

До финиша совсем чуть-чуть, а машина у Пашки будь здоров, не обогнать ее по прямой и на повороте не обойти... Но Гарику нужна была победа, и чтобы одолеть соперника, он должен был рискнуть. Пашку можно было взять на последнем повороте, срезав путь в рамках дозволенного. Плохо, что рамки эти проходили по участку, который можно было сравнить со стиральной доской: слишком резкая амплитуда колебаний. На скорости можно было и копчик отбить, и без машины остаться.

Но все же Гарик дерзнул. Утопив педаль «газа», на скорости, в бешеной тряске обошел Жука.

– Колесо! – истошно заорал Степа.

На правое переднее колесо страшно было смотреть. Перекосившись на оси, оно крутилось с жутким скрежетом. Еще чуть-чуть, и оно слетит совсем. А Пашка все ближе и ближе...

Гарик интуитивно схватил Степу за правое плечо, резко пригнул его к себе, сам завалился на бок, едва не вывалившись из машины. Большая часть нагрузки легла на левые колеса, и когда правое переднее отвалилось, машина осталась на ходу. Потеряла в скорости, но до финиша совсем чуть-чуть. Жуку не хватило каких-то пары метров, чтобы поравняться с лидером и затем обогнать его. Первая отмашка финишного флага была произведена в честь Гарики.

Победа досталась ему. Но дальше с управлением он справиться не смог. Оставшаяся без колеса машина перевернулась. К счастью, обошлось без жертв.

Миха помог выбраться из-под машины Гарику, Ромчик – Степе. А Тема откупорил припасенное к случаю шампанское, взбрызнул на победителей пеной и сам припал к горлу.

– Дай сюда! – Степа вырвал бутылку, сделал несколько глотков, передал Гарику.

Затем были Миха и Ромчик. Остатки достались Ленке и Тоньке, которых на трек никто не звал. Гарик посмотрел на одну – худая, носастая и прыщавая: ни рожи, что называется, ни кожи. Вторая – толстая, с плоским лицом и пимпочным носом; от нее вечно воняло подтухшей рыбой... Ну никакого сравнения с Ингой. Но с Ленкой у него как-то раз было, ничего, не облажался. Почему тогда с Ингой облом?

«Новые» не позволили забыть о себе. Подъехали к Гарику сразу на трех багги. И еще толпа причастных зрителей за ними. Но и «старые» уже подтянулись. Митек Лысый и Жора Косой, каждый со своей командой.

– Хрена ты победил! – в бешенстве заорал на Гарика Пашка.

Он был среднего роста, но плотный и монолитный, как дубовое таранное бревно.

– Колеса у тебя нет!

– А по бую, понял!

Если бы не подоспевший дядя Костя, стычка бы точно переросла в драку.

– За Серегиным победа! – подтвердил он. – А ты, Жуков, в следующий раз Серегина обгонишь.

Тренер светился, как нимб над головой святого. Ему все равно было, кто победил. Главное, что состязания состоялись и его спортивная секция, можно сказать, заявила о себе. Шутка ли, почти десять машин в гонке. И трек есть, и мастерские... А еще он был, как всегда, чуточку навеселе, под газом. Но на то ведь он и автогонщик...

– А это если он доживет до следующего раза! – не унимался Жук.

– Ага, давай, давай, мечтай! – загоготал Степа. – Что, по чесноку очко жмет?

– Да пошел ты!

К дяде Косте на помощь подоспел капитан Шишов. Милицейская форма действовала на задир отрезвляюще.

– Поздравляю тебя с победой, Серегин!

Тренер крепко пожал Гарику руку, затем осмотрел его машину. Кто-то уже принес оторванное колесо с трассы, положил рядом с машиной.

– М-да. А ведь мог и не доехать.

– А меня нелегкая всегда вынесет, – бравадно улыбнулся Гарик.

– Не надо на нелегкую надеяться, – в душеспасительном тоне сказал Шишов. – Нелегкая – это нечистая сила...

– Тогда это про «новых», – ухмыльнулся Тема.

– Вот они и могут вас под монастырь подвести, – немного подумав, кивнул участковый. – Так что лучше не связывайтесь с ними. В драке. А в спорте – пожалуйста... Молодец, Серегин, так держать!

Он протянул Гарику ладонь, но тот нехотя ответил на рукопожатие. Звездой автоспорта он себя не чувствовал, просто ментов не очень-то уважал...

Колесо приладили кое-как, что называется, на соплях. За руль посадили самого легкого – Тему, но гнать быстро Гарик ему не позволил. Он ехал на малой скорости, на метр-два обгоняя пешую компанию, возвращающуюся домой.

Они уже прошли мимо проходной деревообрабатывающего комбината, когда Гарик увидел на дороге двух женщин. Одна в годах, другая совсем юная, девчонка лет четырнадцати, максимум пятнадцати. Судя по тому, как они держались, это были мать и дочь. Обе с интересом смотрели на подраненный багги, а старшая женщина вдобавок выискала взгля-

дом из толпы Гарика, улыбнулась ему. Он был не в настроении, поэтому не обратил на нее внимания.

Ничего особенного, баба как баба. Чересчур короткая, похожая на тифозную стрижка, блеклое лицо без всякого намека на косметику, ссутулившаяся, кое-как одетая. Вдобавок еще и немолодая... Словом, старобытная серая мышь.

Одно только могло привлечь к ней внимание. Большие красивые глаза с надломленными верхними веками. Живые глаза... У Инги такие глаза...

«У Инги?!»

Гарик застыл как вкопанный, развернулся, нагнал уже прошедших мимо женщин. Успел махнуть рукой назад, прогоняя застопорившегося было Степу.

– Инга?!

Женщина остановилась.

– Инга, – кивнула она. И тут же поправилась: – Инга Олеговна.

Да, это была она, его Инга. Но нужно было напрячь воображение, чтобы разглядеть в ней ту ошеломляющую ночную фурию, в обличье которой он ее знал. А это самая обыкновенная рабоче-крестьянская баба. Ну, относительно симпатичная, ну, чуточку посвежей, чем женщины ее возраста, но такая же придавленная беспросветной жизнью...

– Не звучит, – с озадаченным видом мотнул головой Гарик.

– Что не звучит? – недоуменно повела она бровью.

– Инга Олеговна не звучит... Инга лучше.

– В каком смысле лучше?

– Во всех.

Так вдруг захотелось спросить, как она докатилась до такой жизни.

– Что, не нравлюсь? – насмешливо спросила она.

К ней подошла дочь. Юная девушка с большими глазами на вытянутом книзу и узком лице. Худая, нескладная, даже несуразная. Темно-русые волосы стянуты в нелепые хвостики по бокам. Мешковатое платье до пят с огромным карманом посередине... Чудо в перьях.

– Марина, постой там немного. – Инга махнула в сторону проходной, отсылая дочку.

Прежде чем отойти, девчонка стрельнула в Гарика неприязненным взглядом.

– Егоза, – с нежностью улыбнулась ей вслед мать.

– А ты на работу? – спросил он.

– Да, во вторую смену.

– А дочку зачем с собой взяла?

– Оставить не с кем.

– Оставляй с нами... Мы сегодня до полуночи в гараже торчать будем. Колесо на машине отлетело, да и еще много чего...

Багги нуждался в капитальной подтяжке креплений узлов и агрегатов. И с колесом не просто будет сладить... Но до полуночи Гарик собирался закончить работу. Друзья уйдут, а он останется с Мариной. Потом появится Инга, заберет дочь, отведет домой, чтобы уложить ее спать, а самой из дневной лягушки превратиться в ночную царевну. День сегодня жаркий, ночь будет теплая, они поедут к реке, накупаются, а потом... На этот раз он точно не облажается...

– Не надо, – покачала головой Инга.

– Почему? Не доверяешь?

– Да нет, не в том дело, – замялась она.

– А в чем?

– В том, что я дура... Нет, не сейчас, тогда, ну ты помнишь...

– Да нет, это я дурак...

– Погоди, не перебивай, – недовольно поморщилась она. – И вообще, лучше помолчи... Не должна была тогда так себя вести. Мне вообще пить нельзя, а я сдуру... Одним словом, ничего между нами не было.

– Так я и не говорю, что было. А надо, чтобы было...

– Ты не понял. Не было и ничего не будет. И быть не может...

– Почему?

– Сколько тебе лет?

– Восемнадцать в июле будет.

– Восемнадцать. Будет. А мне уже тридцать семь.

– Да ну! – изобразил удивление Гарик.

– Ой, ладно, не притворяйся, – безрадостно усмехнулась Инга. – Ты же видишь, что я старая. На лице у тебя написано... Да и у меня тоже... Ты даже не узнал меня сейчас.

– Почему не узнал? Узнал. Просто заморочился после гонок. Да, кстати, можешь поздравить меня. Я победил!

– Поздравляю... Станешь знаменитым гонщиком. У тебя еще все впереди... Это у меня все позади...

– Не прибедряйся, тебе это не идет.

– Мне самой лучше знать, что идет мне, а что нет, – сурово отрезала Инга. – Давай договоримся: ты не знаешь меня, а я не знаю тебя...

– Я думал...

– Не надо ничего думать. Прощай.

Она резко повернулась к нему спиной и поспешила к заскучавшей дочке. Дурацкая стрижка, поджатые плечи, сутулая спина, тяжелая походка... Гарик с недоуменным видом почесал затылок. Не так уж она и хороша, чтобы добиваться ее расположения. Не хочет – не надо. Он и помоложе себе найдет...

Машину поставили в гараж, работа заладилась, и уже к восьми часам вечера колесо стояло на месте. Осталось только сделать подтяжку.

– Давай завтра, – первым не выдержал Степа.

– В натуре, такой фурор, а мы еще трезвые, – тут же поддержал его Тема.

– Ну, газolina возьмем и на скачки! – вдохновенно кивнул Миха.

Гарик в раздумье пожал плечами. Действительно, почему бы не выпить. Но стоит ли на танцы идти, вот в чем вопрос.

– На скачки, на скачки! – настаивал Степа. – А то «новые» решат, что мы замохали!

– Митек будет, Жора, Юрик своих подтянет, – спрогнозировал Тема. – Стремно будет, если без нас начнут...

Против таких аргументов Гарик был бессилен...

На танцы собирались, как на войну. Цепи, кастеты, ножи. Это с каратистами можно было драться без железа, а с «новыми» без него все равно что на медведя со связанными руками выходить.

Парк меж двух оврагов – разрушенные тротуары, загаженные скамейки, останки карусели. Одноэтажный клуб – обшарпанный, с пыльными стеклами и просевшей шиферной крышей. За ним танцплощадка, обнесенная высоким забором из сетки-рабицы. Пьяные диск-жокеи, загнанная в грохочущие колонки Сиси Кэч, настороженные стайки танцующих девиц. Парни стоят или сидят, курят, грызут семечки, поглядывая на чужую половину круга. Но пока враждующие стороны в клетке, драка маловероятна. Разве что кто-то затронет кого-то, вспыхнет ссора, последует цепная реакция. Но если «старые» и «новые» собрались по разные стороны вне танцплощадки, значит, уже точно что-то затевается, значит, будет жарко, если вдруг не наскочат полиция...

Дисотека в самом разгаре. Гарик, Митек, Юрик, Жора, за ними толпа. И «новые» собрали своих. Напряжение нарастает, но пока еще нет искры, которая приведет к взрыву. «Новые» проиграли автогонку, им и начинать, но Жук не спешит, выжидает.

А музыка гремит, а девушки танцуют...

– Смотри, какая краля! – Степа толкнул Гарика в плечо, показал на симпатичную девчонку с маленьким бюстом, но крупным задом.

– И что?

– Да так...

Им сейчас не до баб. Вот-вот начнется...

– Смотри!.. – снова встрепнулся Степа.

Но Гарик даже не повернул голову в сторону, куда он показывал рукой. Зато сам он увидел девчонку, которая показалась ему знакомой. Совсем еще девочка... Это была Марина, дочь Инги. Ее-то сюда каким ветром занесло? Рядом с ней такая же малолетка. Ритка из дома, где она жила вместе с матерью.

Волосы у Марины распущены, губы накрашены, вместо дурацкого платья нарядная блузка и джинсы, из которых она уже выросла. Впрочем, с босоножками на голую ступню они смотрелись очень даже ничего... Сейчас она выглядела получше, чем днем, но несуразность в ее облике осталась. Эти чересчур большие глаза, эта бухенвальдская худоба и неуклюжая нескладность. К тому же танцевала Марина не очень. Ноги у нее сами по себе слишком длинные, и каблук непомерно высокий, не удивительно, что девчонка споткнулась.

Пытаясь удержать равновесие, она случайно толкнула модную блондинку с химической завивкой. Казалось бы, что здесь такого, но пострадавшая девица не снесла оскорбления, толкнула Марину в ответ, впихнув тем самым в свой круг. Девчонка не удержалась на ногах и упала бы, если бы ее в свою очередь не толкнула подруга блондинки...

Ритка испугалась, попятилась к выходу. А кроме нее, и некому было заступиться за Марину. А блондинка со своими подругами вошла в раж. Девчонку бы и дальше пинали как мяч по кругу, если бы не Гарик.

Тротуарная дорожка, ведущая к воротам танцплощадки, была своего рода разделительной линией между враждующими группировками. Рвани к ней Гарик, «новые» бы устремились к нему, началась бы заварушка, виновником которой могли бы признать его. Он поступил проще: перепрыгнул через высокий, но уже хорошо изученный забор, спрыгнул на пустую скамейку, подскочил к блондинке, одной рукой оттолкнул ее, а другой поймал падающую на него Марину.

– Ты что творишь, сука?

Блондинка была из «новых», и ей не стоило объяснять, кто такой Гарик. С женщинами он, как правило, не воевал, но сейчас вполне мог вклеить ей пощечину. Она это поняла, поэтому, что-то жалко пролепетав себе под нос, ретировалась.

Но цепная реакция уже началась.

– Наших бьют!

Враждующие толпы с ревом надвинулись одна на другую, пространство вдоль тротуарной дорожки вмиг превратилось в поле боя. И только в клетке относительно спокойно, но вывести Марину оттуда Гарик не мог. И оставить ее в одиночестве тоже нельзя, мало ли что у бешеной блондинки на уме.

Он не растерялся, затащил девчонку на эстраду, взял за грудки «нейтрального» диск-жокея.

– Если с ней что-то случится, убью!

Парень испуганно закивал.

– И включай хеви-метал! – устремившись к воротам, на ходу бросил он.

Диск-жокей сменил пластинку. Динамики взрыдали под напором «Адских колоколов».

Неистовство AC/DC перекинулось не только на Гарика, но и на толпу, из которой вывалились два молодчика. Оттолкнув контролершу на входе в клетку, они ринулись на него. У одного железный прут, у другого – обрезок трубы. Но и Гарик уже намотал на руку звонкую собачью цепь.

Он не занимался в секции бокса, не участвовал в спортивных спаррингах каратистов, не знал, чем отличается вольная борьба от классической. Его стихией была уличная драка. Здесь было все: и бокс, и карате, и борьба. Грубая, жестокая и совершенно лишенная всякого изящества смесь...

«Новых» было двое, но у Гарика было преимущество перед ними. Мандраж не мешал ему соображать, не тормозил движения. А противник побаивался его, в их натиске не хватало уверенности. Пока первый парень замахивался прутот, Гарик успел хлестнуть его цепью по лицу. Звон металла, всплеск рассекаемой плоти, хруст сломанных зубов.

Под обрезок трубы Гарик подставил руку. Она была защищена намотанной на нее курткой, но все равно было больно. Зато у противника открыто лицо... Он не видел, как парень валится с ног, размазывая по щекам кровь из сломанного носа. Он шел вперед, вгрызался в толпу. Его друзья и соратники должны видеть его, чувствовать его локоть...

Гарик едва устоял на ногах, когда кто-то из толпы перетянул его цепью по шее. Ответил и сокрушил обидчика. Сердце учащенно забилося, когда в руках очередного ненавистника мелькнул нож. Это уже чересчур; видно, градус побоища достиг точки кипения. Если так дальше пойдет, без трупов не обойтись. Нож он выбил цепью, но самого наглеца достать не смог: хлипкая трель милицейского звонка стала для того поводом, чтобы задать стрелкача. Его примеру последовали другие, но схватка все равно продолжалась. И только два пистолетных выстрела окончательно разогнали толпу.

Гарик отбросил цепь, вытер кровь с лица. Он никого не трогал, он здесь совершенно случайно... Но ментов нигде не было. Только один человек идет к нему. Капитан Шишов. В форме, с портупеей. Один на льдине... Если братва сейчас поймет, что тревога почти что ложная, его могут смешать с грязью, еще и пистолет отберут...

Шишов был не совсем один. Он шел широким шагом, а за ним семенила Инга. Уж не за дочкой ли пришла?

– Серегин, что здесь такое? – осмотревшись, грозно спросил капитан.

– А что, шел мимо, смотрю, толпа...

– Ну и кому ты врешь?

– Марина где? – чуть ли не умоляюще глянула на него Инга.

– Так из-за нее все и началось...

– Ну ты совсем оборзел! – еще больше возмутился Шишов.

– Да нет, из-за Марины все...

– Из-за нее, из-за нее! – поддакнул появившийся Тема. – Ее мочалы из нового пинать стали, а Гарик вступился...

– Ты не тренди, ты за ней сходи, – подтолкнул его Гарик. – На эстраде она.

Но Марина уже сама бежала к матери.

А толпа за спиной Гарика все сгущалась. И разбежавшиеся было «новые» снова собираются. Один полицейский в поле не воин, его всего лишь побаиваются, и сильная искра может воспламенить потушенный, но еще тлеющий костер.

– Вы бы, товарищ капитан, шли отсюда, – посоветовал Шишову Гарик. – Непокорно здесь...

– Уведешь своих – уйду! – огрызнулся участковый.

– А ты кто такой, чтобы командовать? – угрожающе пробасил Косой.

– Жора, не надо! – попридержал его Гарик. – Это нормальный мент...

– Во-первых, я не мент! – вскинулся капитан. – А во-вторых...

Инга не дала ему договорить. Одной рукой она прижимала к себе насмерть перепуганную дочь, а другой дергала участкового за рукав.

– Пойдем отсюда. Пойдем!

Наконец-то до Шишова дошло, что ему здесь не место.

– Ну ладно! – С декларативной бравадой он сунул пистолет в кобуру, застегнул ее.

И только тогда ушел, увлекая за собой Ингу и Марину.

Как и ожидал Гарик, драка вспыхнула снова, но до ножей дело не дошло. Вой милицейских сирен сбил накал, а сами фараоны разогнали толпу. На этот раз Гарик не стал испытывать на прочность свою выдержку и ретировался вместе со всеми.

Глава 4

Гарик с шиком подъехал к дому. С гусиным шипением стравился воздух из тормозной системы, машина остановилась, плавно покачнувшись на рессорах. Наконец-то у него есть «свой» грузовик. Не новый, но вполне приличный «ЗиЛ» с фургоном для перевозки мебели.

Теперь он работает на автобазе на полную ставку, и не слесарем, а водителем. Сначала ему исполнилось восемнадцать лет, затем состоялся приказ о переводе на новую должность, и только через два месяца после этого он получил машину. Осень на дворе, бабье лето уже на исходе, холодать начинает. Но не так страшны грядущие дожди, как осенний приказ о призыве на воинскую службу. Степу забреют, Миху, и останется Гарик без них. Его в армию не берут, плоскостопие у него, на «белый билет» это пока не тянет, но есть отсрочка на время лечения. Но только дурак в призывном возрасте от такого диагноза избавиться может.

Гарик выпрыгнул из машины, в охотку потянулся. Настроение хоть куда. Скоро на меж-областные соревнования поедет, глядишь, заметят, на республиканское первенство пригласят. А это уже уровень...

Домой он на пару минут заскочил, сестра просила отвезти ее с Даниилкой в поликлинику. Сейчас она выйдет, и они поедут... Но из подъезда вышла Инга. Короткое изящное каре, помолодевшее и посвежевшее лицо, накрашенные глаза и губы. Шелковый платок вокруг длинной шеи, плечи расправленные, грудь вперед. Модное шерстяное платье крепового цвета, облегающее, длиной повыше колена. Элегантная сумочка, полусапожки на каблуке. Мажорная одухотворенность во взгляде, походка легкая, грациозная... Она выглядела еще краше, чем тогда, в ночь их первой встречи.

Она жила в доме неподалеку, но за последние три месяца Гарик видел ее всего несколько раз. Невзрачная и потухшая, серая рабочая лошадка. Но вот Инга снова расцвела, и не ночным, а более пышным дневным цветом.

– Привет! – оторопело поздоровался с ней Гарик. – Ты что, переехала?

– Нет, у подруги была, – ответила она сухо и даже неприязненно.

– А что за парад?

Она даже попыталась обойти его, чтобы продолжить путь, но Гарик пресек попытку.

– Тебе какая разница?

– Большая. Нам бы встретиться, поговорить по-людски...

– Знаю, о чем ты хочешь поговорить, – занозисто усмехнулась она. – Поверь, я в эти игры не играю... Я замуж выхожу.

– Замуж?!.. За кого?

– А ты не знаешь?

– Нет.

– Правильно, потому что не замечаешь меня. Не видишь, как я живу...

– Да, но я почти здесь не бываю...

Это походило на правду. Еще в июле мать продала гараж, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Гарик со своим багги окончательно перебрался в мастерские автоклуба, там и пропадал в свободное от работы время. Но ведь все-таки он бывал дома, иногда видел «серую» Ингу. Видел, но не реагировал на нее... Зато возбудился сейчас, когда она снова превратилась в жар-птицу.

– Бываешь. Но не замечаешь, – поджав губы, она мотнула головой.

– Замечаю.

– Да, но я тебе не нужна. И это хорошо.

– Нужна.

– Найди себе хорошую девушку, мой тебе совет.

– Не хочу. С тобой хочу.

– Это не ты говоришь. Это белок в тебе играет. А мне состоявшийся мужчина нужен...

Извини...

Гарик увидел выходящую из подъезда Настю и не стал удерживать Ингу. Она пошла к своему дому, а он стоял, глядя ей вслед. Красивая баба. Как можно такую упустить?

Он помог Насте сесть в машину, сам забрался на свое место.

– Ты чего на Ингу заглядываешься? – с интересом спросила сестра.

– Ты ее знаешь?

– Здрасте. Она же с Ольгой в паркетном цеху работает... К ней домой иногда заходит, и я там бываю, чай пьем, сплетничаем...

– И я ничего не знаю.

– А что ты должен знать?

– Что она про меня говорит?

– Кто, Ольга?

– При чем здесь Ольга? Инга!

– Ничего. А что она про тебя может говорить?

– Ну, – замаялся Гарик. – Мало ли что.

– Ах, ну да, ты же у нас первый парень на деревне!.. А она красивая, да. Вроде бы невзрачная, но если распушит перья... А распушилась, потому что замуж выходит.

– За кого?

– За нашего участкового. За Шишова.

Гарик ничего не сказал, но так сильно сжал баранку руля, что побелели костяшки пальцев.

Может, и права была Инга, может, белок в нем играет. В любом случае, любви нет... Но ведь она ему нравится, он хочет закончить однажды начатое. А Шишов, подлый полицейский, обошел его на повороте. Разве ж такое прощается?...

* * *

Пашка Жук, Ленка Чук, с ними еще пацаны из нового микрорайона. Идут цепью, в руке у Пашки монтировка. А он один, его друзья еще не подошли...

– Здорово, Гарик!

Пашка первым подал ему руку, за ним Ленка, Серега, Макс... Вражда между районами не прекратилась, нет-нет иногда вспыхивали драки на дискотеке, на пустырях, но Гарик этим больше не страдал, и Пашке с Ленкой надоело кулаками махать. У них теперь одна команда – автоспортивная. Соперничество, конечно, осталось, но выяснение отношений происходит исключительно на треке. А когда против другой команды соревнуются, так идут вперед одним строем, плечом к плечу. Гарик помнит, как однажды у него сломался багги, а Пашка остался на ходу. Так он изорался на радостях, когда тот пришел к финишу первым.

Спасибо дяде Косте. Сумел он сплотить уличных и к тому же враждующих пацанов в крепкую команду. И дело свое вывел на новый уровень. Эпоха мелкой кустарщины прошла, теперь машины строились в мастерской клуба, а моторы и все остальное поступало сюда не со свалки, а из Тольяттинского автозавода. Это уже были настоящие багги, скоростные, мощные, высокого уровня. На таких и за границей можно побеждать... И Гарик будет побеждать. Ведь его не забирают в армию, в его карьере не будет простоя. А пилот он хороший; сам дядя Костя говорит, что у него талант...

– Что ты там соображаешь? – спросил Пашка, с интересом глядя на разобранную коробку передач.

– Да так, шестерня шалит...

На самом деле Гарик совершенствовал свой аппарат. Один умный человек объяснил ему, как можно переключать скорости, не выжимая сцепления. Оказывается, такое возможно, но необходимо было поставить специальный ограничитель, чтобы двигатель не перекрутило... Надо будет, он поделится этим секретом с Пашкой, но уже после того, как испытает его на себе. А то ведь и облажаться можно...

– А мы покатаемся чуток, – сказал Пашка. – Пока Костяныча нет...

– Кстати, а где он?

Гарику нужно было уточнить пару моментов у тренера, но его не было с утра. Вечер уже, стемнело, а его все нет и нет.

– Как где? На свадьбе гуляет.

– У кого?

– Ну это, у Шишова...

Шишова в клубе знали хорошо. Валерий Семенович сдружился с дядей Костей, но вовсе не для того, чтобы самому затем участвовать в соревнованиях. Хотя против того, чтобы проехать разок-другой по кругу, он никогда не возражал. Он пытался через спорт воздействовать на «старых» и «новых». И надо сказать, он много сделал для того, чтобы враги стали друзьями, по крайней мере, в масштабе клуба. В принципе, он был классным мужиком и нравился всем, в том числе и Гарику. Но...

– А он женится, да? – насупился Гарик.

– Ну да, – удивленно посмотрел на него Пашка.

– И я ничего не знаю...

– Так у нас гульба идет, в нашем районе, в столовке столы накрыты. Машины были, с ленточками, все такое. Сам видел... А тебе знать зачем?

– Да надо...

Он не знал, что у Шишова сегодня свадьба, зато был в курсе, на ком он женится. Инга замуж выходит. Инга... Она уже в годах, ей нужно устраивать свою жизнь. Но Гарик почему-то думал, что любит она его, а не Шишова. И она ему нравится. К тому же справедливость не восстановлена, ведь он так и не закончил начатое...

Паша и Ленька забрали свои машины, уехали. А потом появились Степа, Тема и Миха. С добычей. Трехлитровая банка пива и бутылка водки.

– Это, Костяныча сегодня не будет, – осторожно сказал Степа. – А нам с Михой через неделю в армию...

Он знал, что Гарик может разозлиться. Спиртное в мастерской – все равно что женщина в багги... Но сейчас ему остро хотелось выпить.

Пиво с водкой под курево и без закуски... Гарик захмелел. И даже не стал возражать, когда Степа сел в машину и отправился за самогоном. Приговорили еще литр на четверых. А первач крепкий, градусов шестьдесят. Гарик осилил и это, но набрался изрядно.

Но голова все же соображала, и с ног не валило. Зато отказали тормоза. Степан снова собрался повторить заход на самогонную точку, но Гарик вытолкнул его из машины, сам сел за руль.

Ночь, темнота, тряская дорога... Асфальт, огни высотных домов. Фонари перед широким приземистым крыльцом общепитовской столовой. Машины, нарядные люди, в здании играет музыка. Свадьба.

Гарик был в спецовке, лицо и шея в мазуте, но на него никто не косился – как будто так и надо. Свадьба в самом разгаре, народ простой, и все навеселе... Большой зал, столы по кругу. Казенной водки уже нет, но разбавленный спирт и самогон льются рекой. Люди пьют и пляшут. Эх-ух-опа!

Гарик сел на край стола, сдвинув с лавки какую-то толстую девушку.

– О! Гарик! Привет!

Это была Тонька. В праздничном платье, но как всегда под рыбным запашком... Гарик молча потянулся к бутылке, но Тонька его опередила.

– Можно я за тобой поухаживаю?

Сама налила ему, выпила вместе с ним... Обидно. Ее пригласили на свадьбу, а его нет.

– Скучно, – сказала Тонька. – Никого из наших нет. Один взросляк... Мужики нажрались, пристают. Нужны они мне!..

Гарик ухмыльнулся. Как будто кто-то спрашивал у нее, нужны ей мужики или нет... Если бы правда приставали, не было бы ее сейчас здесь. Она же всем дает. Он знал эту столовую, здесь полно подсобных помещений, где можно уединиться. Поздно уже, повара наверняка давно ничего не готовят, разошлись...

Шишов сидел во главе стола и о чем-то увлеченно – похоже, на пьяную голову – говорил с дядей Костей. Что-то друг другу доказывают, энергично жестикулируют. Место невесты свободно, а сама Инга в центре внимания пляшущей публики. Не было на ней фаты и пышного подвенечного платья, но все равно выглядела она на все сто. Моложавая, стройная, задорная. И, конечно же, пьяная. То с одним кавалером закружит, то с другим. Но поглядывает на мужа – сигнализирует, что эту ночь проведет с ним, а не с кем-то другим...

– А невесту знаешь? – спросил у Тоньки Гарик.

– Да так. Она с матерью работает...

Инга годилась в матери не только ей, но и ему самому. Но мысль об этом лишь усиливала и без того необузданное влечение. И хмель в голове подстегивал к авантюре.

– Пошли!

Он хлопнул Тоньку по плечу, поднялся, увлекая ее за собой. Обогнул раздаточную стойку с пустующей кассовой кабинкой. Вместе они прошли в большой зал, заставленный паровыми котлами и разделочными столами. Здесь было темно и пусто. Но Гарику этого было мало. Он подошел к двери в подсобное помещение, толкнул. Закрыто. Следующая дверь. Тоже мимо. Зато поддалась третья дверь. Просторная комната, в окно которой светил уличный фонарь, стены в кафеле, длинный стол из нержавеющей стали, огромный пенн, посыпанный солью, рукомойник с раковиной...

– Ух ты, как клево!

Тонька расстегнула «молнию» на боку, скрестив руки, взялась за подол платья.

– Уймись! – осадил ее Гарик.

Не для того он пришел сюда, чтобы любоваться с ней. Не настолько много выпил, чтобы опуститься до такого.

– Потом, – чтобы задобрить ее, пообещал он.

– Когда?

– С невестой поговорю, а потом тобой займусь.

– С невестой?

– Да. Пойдешь к ней, скажешь, что поговорить надо, сюда приведешь...

– Э-э, а она пойдет?

– Сделай так, чтобы пришла...

Тонька покладисто кивнула и ушла. Вернулась минут через десять, и не одна.

– Куда ты меня ведешь?

Сначала он услышал голос Инги, а потом увидел ее саму. В разделочной было достаточно светло, чтобы любоваться ею.

– Гарик? – удивленно и с веселинкой в глазах протянула она.

Он махнул рукой, отсылая Тоньку. Та вышла, тихонько закрыла за собой дверь.

– Вот, пришел тебя поздравить.

– Поздравляй! – с шальной улыбкой пожала она плечами.

– Поздравлю...

Гарик медленно приблизился к ней, но стремительно обнял ее руками за талию, притянул к себе.

– Что ты делаешь?

Она возмущалась, но не сопротивлялась. И даже не попыталась оттолкнуть его, когда он оторвал ее от пола и посадил на стол.

– Так нельзя...

Она была пьяна, от нее пахло водкой. И была так же разнузданна, как в ту их первую ночь. А он в отличие от того раза был на высоте.

– А если очень хочется?

– Очень-очень?

Она откинула голову назад, позволила ему поднять свои ноги...

– Сильней не бывает...

– Может, не надо?

На глупый вопрос у него был немой, но проникновенный ответ. Инга зажмурилась и плотно сжала губы, сдерживая рвущийся наружу стон...

Все было кончено, когда в помещение вдруг ворвался Шишов. Инга сидела на столе; ноги плотно сомкнуты, глаза лишь слегка приоткрыты, в пальцах дымится сигарета. Завидев мужа, она изобразила беспечную радость.

– Валера!

– Что ты здесь делаешь? – взревел он.

– Ой, извини!..

Она протянула руку к раковине, выбросила в нее сигарету, которая тут же с шипением потухла.

– Ой, здесь же люди работают...

– Какие люди? Ты чего комедию ломаешь?... Что вы здесь делаете?

– Я сама Гарика попросила, чтобы он меня сигаретой угостил. Ты же не разрешаешь, пришлось втайне. Место вот нашли, чтобы покурить... А ты что подумал?

– Что я подумал?

Сжимая кулаки, Шишов подошел к ней, глянул на ее платье.

– Почему ты в мазуте? – спросил он.

И, не дожидаясь ответа, повернулся к Гарiku.

– Зачем ты *это* сделал, парень? – обозленно и с осуждением спросил он.

– Да как ты мог такое подумать! – взвилась Инга.

Соскочив со стола, она неосторожно приблизилась к мужу. Возможно, он и не думал ее бить. Возможно, он собирался ударить Гарика, поэтому и поднял руку. Но, так или иначе, Инга нарвалась на его кулак. Из разбитого носа брызнула кровь.

Гарик чувствовал себя виноватым и, возможно, не ответил бы на удар Шишова. Но его перемякнуло, когда он увидел, как Инга размазывает кровь по лицу. Он не хотел этого, но...

Шишов не смог выдержать его коронный удар головой. Закрыв лицо руками, осел на пол.

– Да что ж ты, гад, наделал?

Инга первой осудила его. Сначала оскорбила словом. А потом и влепила пощечину.

– Валера, Валера...

Причитая, она достала из кармана его костюма платок, намочила его под краном. О своем разбитом носе она уже и не помнила, хлопотала над мужем, как заботливая наседка над своим выводком.

Гарик озадаченно почесал затылок. И зачем ему все это? Ведь не любил он Ингу; действительно, белок в нем играл. Получил свое, и не нужна она ему больше. А жизнь ей, возможно, разрушил...

Глава 5

Гарик безрадостно смотрел на дальнобойный «КамАЗ», к которому подвел его начальник автоколонны.

– Машина не совсем новая, три года в эксплуатации, но я не думаю, что ты будешь возражать... Или не нравится?

Геннадий Павлович, или Ген Планыч, как называли его за глаза, недоуменно смотрел на Гарика. По его мнению, он должен был плясать на радостях. Еще и год не проработал парень, а его уже ставят на дальний рейс.

Гарик и правда был рад такому событию. Но память о чужой свадьбе омрачала праздник.

– Да нет, нравится...

Он уже собирался сесть в машину, когда к гаражу подъехал милицейский «уазик» с бездействующими маячками на крыше. Из него вышли два человека – один милиционер в форме, другой в штатском. Гарик догадался, зачем они к нему идут.

– Ты Серегин? – грозно спросил «штатский».

– Я, – холодея, кивнул Гарик.

– Тогда поехали...

Глупо было бы спрашивать, куда и за что.

Наручники на него не надели и в задний зарешеченный отсек сажать не стали. Но в отделение привезли, в клетке напротив дежурной части закрыли. А потом появился лохматый старшина в расстегнутом кителе и отвел Гарика в кабинет к дознавателю.

Это была дебелая женщина с крупным круглым лицом и маленькими колючими глазками. Обесцвеченные пергидролем волосы, жирная и растекшаяся на губах помада, видно купленная по дешевке у цыган. На плечах капитанские погоны.

– Ну, что скажешь, Серегин? – голосом уставшей от работы бабы спросила она.

– А что говорить?

– Знаешь, что натворил?

– Ну знаю. Шишова ударил.

– Правильно, ударил. И очень сильно ударил. В больнице Шишов, нос у него сломан. Будем возбуждать уголовное дело, Серегин.

– Э-э... И сколько мне светит? – настороженно спросил Гарик.

– Статья двести шестая «Злостное хулиганство». Статья сто девяносто третья «Угроза или насилие в отношении должностного лица», в твоём случае до пяти лет лишения свободы...

Гарик молча уронил голову на грудь.

– А как ты думал?... Что там у вас произошло?

Дознаватель сменила тон, с официального перешла на любознательный, каким обычно сплетницы выуживают грязное белье из чужих корзин. Как баба, она хотела знать не только то, что произошло между Гариком и Шишовым, но еще из-за кого...

– Да ничего не было, – угнетенно мотнул он головой. – Инга... Э-э, Инга Олеговна подошла ко мне на свадьбе, попросила, чтобы я ее сигаретой угостил... Она от Шишова скрывала, что курит... В общем, она попросила, чтобы я ее от мужа спрятал. Сидели, курили, а тут Шишов. Не так все понял, в драку полез, Ингу...э-э, Олеговну кулаком ударил... Ну, я не стерпел, в ответ головой...

– Если не стерпел, значит, что-то было у тебя с Ингой Олеговной, – продолжала выпытывать капитанша.

– Да нет, ничего. Просто в одном дворе, считай, жили... Дочку я ее знаю. Марина ее зовут... Может, у нас роман?

– С кем?

– С дочкой ее, ну, с Мариной.

– Почему тогда Шишов тебя приревновал?

– Ну, так пьяный был. Какой жених на свадьбе не выпьет... Сам виноват, не надо было жену бить... Я вообще ненавижу, когда женщин бьют...

– Смотри, какой благородный! – фыркнула дознаватель.

– Да честное слово...

– Знаешь, я бы поверила, если бы в первый раз слово дал. А сколько этих слов уже было, а? Сколько приводов у тебя было, сколько предупреждений. Или не было ничего?

– Было.

Глупо было бы отрицать очевидные факты.

– На учете состоял, воспитывали тебя, да, видно, без толку. Допрыгался ты, Серегин. Руку на сотрудника правоохранительных органов поднял!

– Да я не хотел...

– Вот и я не хочу жизнь тебе ломать. А придется... Пока я тебя задерживаю, а потом обвинение будет и арест...

Дознаватель вызвала конвой, и Гарика отвели в подвал здания, где находились камеры предварительного заключения. Знакомое место, но если в прошлый раз он выбрался из кутузки, считай, без потерь, то сейчас, похоже, влип основательно...

В камере никого не было. Покрытые шершавой шубой и грязные до неприличия стены, исписанные, исполосованные ножами нары, столик под окном, чаша «Генуя» с льющей на нее водой; в ржавой раковине умывальника два таракана – беспомощные, потому как не могли выбраться из нее, обессиленные и все равно наглые. Но эти хоть в компании, а Гарик один...

Сигареты забрали в дежурной части, а очень хотелось курить. Пришлось терпеть.

Обед он пропустил, а вечером подали ужин – холодные макароны, кусок пересоленной рыбы и теплый напиток, цветом напоминающий чай.

В десять часов надзиратель объявил отбой, но свет выключать не стал. Ни одеяла, ни подушки, о матрасе и, тем более, белье и думать не приходилось. Батарея под окном еле теплая, а на улице холодало.

Он встал, прошелся по камере, энергично размахивая руками. Подступил к двери, ногой двинул по «кормушке» – раз, другой. Наконец послышался голос надзирателя:

– Чего?

– Мне бы одеяло!

– Будет тебе одеяло. Жди.

Гарик снова лег. Какое-то время ждал, что надзиратель действительно смиростивится, но в конце концов до него дошло, что над ним просто посмеялись.

Пытаясь заснуть, он думал о том, что впереди его ждет следственный изолятор, после суда – колония общего или даже строгого режима. О тюремной жизни он знал понаслышке, знал, что сильный человек способен выжить в этих невыносимых условиях. Себя он слабым не считал, и настучать мог, и волю свою навязать. Но было бы лучше не попадать за решетку... Предупреждал Шишов, что преступное буйство может привести к плачевному финалу. Допрыгался. И не важно, что досталось от него самому Шишову. Любой мог оказаться на его месте, любому мог бы сломать нос...

Шишова он не винил. Себя казнил. И надо было ему залезть на Ингу, на женщину, которая годилась ему в матери. Ведь не было же любви. Белок, замешанный на глупых амбициях...

Дверь в камеру открылась поздно ночью. Гарик уже спал и не видел вошедших людей. Удар в живот разбудил его, но глаза он открыл на полу. В бок врезался тяжелый ботинок. Еще удар, еще... Он понял, что его избивают полицаи. Перед глазами мелькали перекошенные от злобы лица; серые мундиры, перегарный дух и запах грязных носков. И боль – телесная и душевная...

Живот Гарик пытался прикрыть согнутыми ногами, руками защищал голову. Но быстро понял, что налетчики в погонах стараются не бить в лицо. Все удары приходились по корпусу – грудь, брюхо, спина, копчик...

Били его до тех пор, пока экзекуторы не выбились из сил. Они ушли, оставив его лежать на полу. Кто-то бросил на него грязное пыльное одеяло. Все-таки дождался...

Кое-как он поднялся, ощупал себя. Кости вроде бы целые, но как болят почки... Сходил в туалет. По малому и с трудом. И с кровью...

Удивляться не приходилось. Есть менты правильные, а есть козлы, родом из народа. Но не факт, что сегодня буйствовали отбросы правоохранительной системы. Возможно, Гарику мстили за Шишова, за представителя этой самой системы, и к тому же далеко не самого худшего...

Утром в камеру пришел врач. Без халата, скучный и недовольный тем, что приходится работать. Гарик попытался объяснить ему, что ночью его избили, но он как будто этого не слышал. Но йодную сетку в районе почек устроил и анальгин выписал.

Два дня он провел в изоляторе. Кормили его исправно, по ночам больше не били. Оде-яло, доставшееся столь дорогой ценой, не отбирали.

За ним пришли только на третий день. Под конвоем доставили в кабинет дознавателя, где вместо женщины его ждал мужчина. Капитан Шишов собственной персоной. Под глазами остаточная желтизна, поперек спинки носа – полоска лейкопластыря. На Гарика он смотрел с показной невозмутимостью. И голос его прозвучал сухо.

– Заявление писать я не стал, – сказал он. – Дело могли по факту возбудить, но не стали, я настоял... Но дело будет, это я тебе обещаю. Если ты не исчезнешь отсюда...

– Куда? – угрюмо спросил Гарик.

Ему стыдно было смотреть в глаза Шишову, но и прощения просить у него язык не поворачивался.

– Хороший вопрос. В армию.

– Но у меня отсрочка.

– Знаю. Плоскостопие у тебя. Но третью степень можно перевести во вторую, это просто. Пойдешь в военкомат, напишешь заявление, призывная комиссия даст «добро», и вперед... Если через неделю ты не уйдешь, пеняй на себя.

Шишов резко поднялся, повернулся к нему спиной, вышел из кабинета. Появившаяся капитанша с укором посмотрела на Гарика.

– Такого человека обидел...

– Так вышло.

– Мой тебе совет: сделай, как он сказал. Пока не поздно...

Она выписала ему пропуск, в дежурной части он получил свои вещи, несколько рублевых купюр. Недолго думая, он отправился в ближайшую забегаловку. Хотел взять пива, но почки все еще давали о себе знать. Пропустил пару стопок под хлебную котлетку и только затем отправился в военкомат...

* * *

Шишов оказался прав. Военные врачи запросто сняли с Гарика третью степень плоскостопия, призывная комиссия с радостью оформила его в команду новобранцев для автомобильных войск.

Гарику повезло, он попал в одну команду с Михой и Степой. И проводы организовали одни на всю компанию. Никакой романтики, набрались под завязку, затем собрались идти в клуб на дискотеку. Гарик решил не рисковать и отправился домой, завалился спать. Поэтому на призывной пункт он прибыл в состоянии среднего похмелья. Степа же и Миха пришли на бровях и с побитыми физиономиями.

Нудная процедура досмотра личных вещей, после которой из рюкзаков исчезла стеклотара с горячительной памятью об отчем доме. Затем был актовый зал, где Миха и Степа сразу же заснули. Выступил ветеран с медалями, военком сказал речь о любви к Родине и обо всем ей сопутствующем. Затем призывников вытолкали в загороженный двор, где их ждал автобус. Прощание с родными, крики, мат, звон стаканов.

Гарика никто не провожал. Отец до сих пор в пьяной лежке, мать болеет, сестра с детьми. Девки не в счет. Машка, Ленка, Тонька – они визжат, вешаются на шею, но с ними совсем не жаль расставаться.

Уже прозвучала команда сесть в автобус, когда Гарик увидел Марину. Девочка подошла к нему. Пристальный взгляд, на губах застывшая и отнюдь не веселая улыбка. Гарик недоуменно смотрел на нее.

– А мамы нет, – сказала она.

– Вижу, что нет, – равнодушно пожал он плечами.

По Инге он ничуть не скучал. Получил свое, и кончилась любовь, которой не было. И видеть ее не хотел, равно как и Марину. А если и думал о ней, то лишь как о причине собственных несчастий.

– Она не придет...

Марина смотрела на него немигающим взглядом. И лицо застывшее.

– И что?

– А ты ее ждешь?

– Нет.

– А я думала, ждешь... Я думала, у вас любовь...

– Не было у нас ничего.

– А дядя Валера от нас ушел.

– Плохо.

– Из-за тебя.

– Глупо вышло.

– Глупо? Всего лишь?... Мама не передавала тебе привет. А я передам!

Марина улыбнулась – нежно, как показалось Гарику. И вдруг, сложив губы трубочкой, на резком выдохе плюнула ему в лицо.

Гарик остолбенел от неожиданности. И не нашел слов, чтобы выразить свое возмущение. Зато Марина знала, что сказать.

– Сволочь!

– Дура! – наконец-то выстрелил он.

Но Марина уже скрылась в толпе.

Гарик отер лицо рукавом фуфайки. Повернулся к автобусу и лицом к лицу столкнулся со старшим команды. Офицер в шинели с майорскими погонами и десантными парашютами в петлицах язвительно смотрел на него.

– Ну и ну!

Похоже, он видел, как Марина плюнула в лицо. Но если бы только это... Гарик узнал этого человека. Перед ним стоял тот самый тренер каратистов, которого он так унизил на глазах учеников.

– Ты?! – не смог сдержать он своего удивления.

– Во-первых, не «ты», а «вы». А во-вторых... Наслышан я о тебе, Серегин. Милиция тобой интересуется?... Ладно, мы еще с тобой об этом поговорим...

Похоже, в голове майора зарождалась мстительная мыслишка. Гарик понимал, что находится в его власти, но еще не знал, насколько распространяется его влияние. Об этом он узнал на областном сборном пункте, куда прибыла команда пьяных и не совсем призывников.

Инструктаж, досмотр, на котором изымалось не только спиртное – водка, одеколоны и прочее, – но и колюще-режущие предметы вплоть до лезвий безопасных бритв. Скоропортящиеся продукты долой – в большой фанерный ящик, стоявший посреди «таможни». У Гарика забрали почти все, а потом цинично заявили, что питание в столовой начнется с завтрашнего дня.

Но худшее началось после обеда. Миху и Степу вызвали по громкой в отдел формирования команд. Вернулись они в показной печали. Оказывается, их и еще нескольких ребят из прибывшей партии зачислили в особую команду, которую готовили к отправке в Германию. Они возмущались, что Гарика не взяли вместе с ними, но в душе радовались. Германия – это марки, это шмотки...

– Гарик, у нас медкомиссия сейчас, – Степа скорбно отвел в сторону глаза. – Ты давай с нами, мы со старшим команды поговорим, скажем, что в машинах ты бог...

– А если не возьмут, то мы тоже никуда не пойдем...

Старший команды, рослый наглаженный капитан с щегольскими усиками, сначала слушать никого не хотел, но когда узнал, что Гарик большой спец в автоделе, заинтересовался им, даже отправился в отдел формирования. Но скоро вернулся и решительно выдал «нет».

– Но почему?

– Плоскостопие. Приводы в милицию.

Гарик не видел своего дела, но сомневался, что в нем отмечены эти приводы. Тогда кто же сообщил капитану об этом? Неужели старший военкоматовской команды, майор из бывших десантников?... Он обещал поговорить с Гариком, но разговор так и не состоялся. И не состоится. Майор сдал команду и уже уехал обратно. Но успел шепнуть кое-кому о «заслугах» Гарика... Но ведь и Миха со Степой были тогда летом у школы. Впрочем, они были в толпе, майор мог их не запомнить. Да и не били они его...

– Тогда и мы никуда не поедем, – нерешительно сказал Миха.

– Не надо, – пожал плечами капитан. – Сейчас вызову наряд милиции, вас доставят в военную прокуратуру, осудят за уклонение от службы... Вам это нужно?

– Да плевать...

Степа готов был рискнуть из солидарности с другом. Но Гарик его остановил.

– Езжайте к немцам, пацаны, вставьте им фитиля за меня и моего деда... А через два года встретимся...

В тот же вечер Степу и Миху побрили, переодели в солдатскую форму, выстроили на плацу, а ночью отправили на аэродром. Гарик остался на сборном пункте ждать, когда соберут команду, в которую он предназначался вместе со своими друзьями. Поговаривали, что она должна была идти куда-то в Белоруссию, что, в общем, тоже ничего.

Команду собрали утром, на общем построении призывников. По несколько человек от всех военкоматов области. Гарик ждал, когда зачитают его фамилию, но про него не сказали

ни слова. Приезжий офицер построил вызванных новобранцев, сначала отвел их в сторонку, затем направил на медкомиссию. А Гарик так и остался в общем строю...

Обошли его вниманием и на вечернем построении. Он ждал день, два, но про него как будто забыли. На жизнь он в общем-то не жаловался. Кормили неплохо, делать ничего не приходилось, разве что территорию подметать. Единственно, что с каждым днем холодало, а клуб, в котором находились призывники, не отапливался. На ночь заводили в казарму, там он и спал на жестком лежаке без подушек и одеял.

В таком безличном существовании прошла неделя, и наконец Гарик дождался своего. Как обычно, он лежал на лавке в клубе, когда по громкой неожиданно выкрикнули его фамилию. Бегом на плац, к окну отдела формирования, где собралась уже хлипкая кучка людей.

– Какие войска?

– Автомобильные.

Гарик расслабился, успокоенно провел рукой по ежику волос. Он боялся, что его отправят куда-нибудь в пехоту.

– А куда?

– Да куда-то на юг... То ли Крым, то ли Сочи. Там сейчас тепло...

– Нормально.

Гарик глянул на старшего команды. Молоденький лейтенант в шинели с черными петлицами, два сержанта – подтянутые, опрятные, в начищенных до блеска сапогах. Ничего подозрительного.

Лейтенант сверил команду с представленным ему списком, переговорил с военкоматовским прапорщиком и отвел новобранцев в сторону.

– Служить будем на юге, – сначала он подтвердил слух. А потом уточнил: – Это в ТуркВО, город Мары... Там сейчас тепло...

От Гарика не укрылась насмешка, мелькнувшая в его глазах.

Гарик помнил, что Миха и Степа перед отправкой в войска проходили медкомиссию. Но лейтенант довольствовался сведениями из личных дел. Про его плоскостопие даже не спросил.

В казарме на ночь команда устроилась обособленно от основной «бесхозной» массы призывников. Сержанты провели проверку, произвели отбой. Важные, грозные, все знающие и ведающие. Гарика назначили ответственным за сухпай, который они получили с вечера. Он не возражал. Никто из новичков не пытался ставить себя в центр событий, поэтому и сержанты не возникали...

Рано утром команду подняли, вывели на безлюдный плац, посадили в автобус и повезли на вокзал. Посадка на поезд, восемнадцать призывников на плацкартный вагон.

Одно время Гарик думал, что в форму перед отправкой в часть переодевают всех призывников, как это было с Михой и Степой. Но скоро понял, что этой привилегией могут пользоваться только счастливики, вытянувшие билет в Германию. Обычных смертных переодевали уже по прибытии в часть.

Но до части нужно было еще добраться. Поезд шел с черепашьей скоростью, кланяясь каждому столбу. Но в конце концов он все же дотащился до станции Мары. Там новобранцев ждал крытый «сто тридцать первый» «ЗиЛ». Водитель в шапке набекрень, расстегнутая до пупа шинель, сильно распушенный ремень. Лейтенанту он козырнул нехотя, со стороны могло показаться, будто он хотел панибратски подать ему руку, но в последний момент передумал и довел форму приветствия до уставной нормы. На новичков он едва взглянул, небрежно сплюнул в их сторону.

Гарик уже привык к тому, что его зачислили в некую аморфную, но громко звучащую категорию «личный состав». И в этом качестве вместе с новыми своими товарищами погру-

зился в автомобиль. Ехали долго – сначала по улицам областного центра, затем по загородному шоссе, далее и большую часть пути по тряскому волнистому проселку.

Здесь действительно было тепло для начала ноября. Хлопковые поля большей частью убраны, но кое-где виднелись еще комбайны и люди с плетеными корзинами. Чем дальше от города, тем полей становилось меньше, все чаще попадались песчаники с пустынной растительностью.

Машина обошла стороной маленький азиатский городок и скоро остановилась перед воротами воинской части. С каким-то зловещим скрипом открылись железные створки, «ЗиЛ» продолжил путь, выгрузил пополнение на строевом плацу. Штаб части с двумя красными флагами на козырьке перед входом, крашеная трибуна из кирпича, транспарант над ней, плакаты с бравыми воинами, беленые бордюры и низкорослые деревья. И звенящая тоска вокруг...

Командир автомобильного полка пренебрег трибуной, вышел прямо к новобранцам. Подполковник Старцев. Среднего роста, пухленький, с широкой улыбкой на лице, но почему-то грустными глазами. Галифе и сапоги, в которых он был, как будто нарочно подчеркивали его кривоноготь. Гарик заметил это, но даже не улыбнулся.

Командир полка говорил о том, что часть на два последующих года должна была стать для Гарика родным домом, но сам он чувствовал, что попал во враждебную среду обитания. Ему не нравились столпившиеся на кромке плаца сытые расхлыстанные дембеля, надменно и даже с презрением посматривающие на новобранцев. Колька Груздь рассказывал, что такое дедовщина, показывал рубцы на спине от «стариковой» бляхи.

Гарик понимал, что через год-полтора он сам станет старослужащим, тоже будет поплевывать на новичков. Но когда это будет... Он думал, что может произойти сейчас. Если его тронут, биться он будет смертным боем, но не позволит себя унизить.

Встреча с дембелями состоялась в тот же день. Новобранцев разместили в казарме учебной роты, где они должны были постигать курс молодого бойца. Выдали форму, погоны, петлицы, по паре подворотничков, хозпакет со скромным набором иголок и ниток.

Гарик уколол себе палец, пока пришил первый погон. Взялся за второй, когда в казарму вошли четыре «деда». В хэбэшках нараспашку, ремни в руках, пилотки за поясом брюк. Расхлябанная походка от плеча. Один из них – маленький и плюгавенький, но безмерно величественный – подошел к Гарику. Не вынимая рук из карманов, пнул ногой по его табуретке.

– Погон криво пришил, – глядя на его куртку, хмыкнул он.

– Ты откуда знаешь? – настороженно спросил Гарик.

– Все по первому разу криво пришивают.

– Я не все...

– Да нет, ты-то как раз – все... Давай сюда, покажу, как надо...

Гарик недоуменно наблюдал, как «старик» пришивает ему погон. И для его товарищей тоже нашлась работа. Оказалось, что «деды» пришли к «молодым» вовсе не для того, чтобы устроить экзекуцию.

Его «шефа» звали Димой. Отслужил он чуть больше года, следующей осенью собирался домой. Он явно считал себя дембелем, но Гарик уже понял, что это не так. После первого года солдаты становятся «черпаками», полтора – это уже «дед», а «дембель» – это когда приказ подпишут... Ему уже успели объяснить тонкости. Но с Димой он спорить не стал. Дембель так дембель...

– А ты думал, у нас тут дедовщина? – насмешливо спросил парень, заправски орудуя иголкой.

– А разве нет? – усмехнулся Гарик.

– Да. Есть дедовщина. Но грязные носки у нас молодежь не стирает... А вообще, я тебе так скажу: лучше по дедовщине жить, чем по уставщине. Ничего, поживешь – увидишь... Если поживешь, – мрачно усмехнулся он.

– Что значит – если поживешь?

– А то, что завтра твой батальон могут в Шинданта отправить. А ты что, не знал?

– Нет, а это где?

– Где-где, в Караганде... Хотя лучше сказать, в Кандагаре... От Шинданта до Кандагара далеко, как отсюда до самого Шинданта. Но по-любому, это Афган, братишка...

Гарик озадаченно почесал затылок. Он знал, что Афганистан где-то недалеко, но что его туда могут засунуть, он как-то не думал...

Глава 6

Перегарный дух был настолько густ, что перебивал запах клопов и гнилой капусты. На кухне бардак: в мойке грязная посуда, на столе остатки вчерашнего пиршества, пол в липких пятнах. Настя уже привыкла к этому, но все равно неприятно.

Отец собирается на работу – в согнутом положении, покачиваясь, надевает грязные разбитые ботинки. Плохо ему с глубокого похмелья, а мама стоит над душой, «пилит» его.

– Когда ж это все закончится, старая ты скотина!

Похоже, она уже и забыла, что вчера ночью «квасила» на кухне вместе с ним... Спи-вается мама. И Настя боялась, что сама когда-нибудь сопьется. Жуткие условия, мужа нет, два «спиногрыза» на руках. Денег нет: отец все пропивает, а если что и приносит в дом, так это водку, чтобы распить вместе с женой... Такие вот пироги...

Отец ушел, мать отправилась в комнату, досыпать. Настя набрала воды из-под крана, ушла к себе, чтобы напоить проснувшегося Лешика. Где-то она слышала, что некоторые матери поят своих детей кипяченой водой. Глупости какие. Сама она никогда не кипятила воду для своих ребят и соски не мыла – упала, подняла и в рот. Больше грязи – шире морда...

Лешик напился и успокоился. Зато проснулся Даниилка. Смотрит на мать голодными глазами. Молчит, ничего не говорит, знает, что можно и по загривку схлопотать... Нет, сердце у Насти не каменное. Она любит своих детей. И кормит их по мере возможности... Сегодня детям повезло. В холодильнике остался кусок ливерной колбасы: отец принес в придачу к бутылке. Картошка есть, но ее чистить надо...

Настя нашла на кухне горбушку черствого хлеба, колбасы тоже мало – всего хватило на два бутерброда. Покормила Лешика и Даниилку и сама захотела есть. А денег нет, декретное пособие только через неделю будет... Разве что к Ольге сходить, «трешку» занять...

Настя умылась, глянула на себя в зеркало. Она же совсем еще молодая, а уже обабилась – еще не располнела, но уже набирает вес, за собой не следит, одевается как придется... Двадцать два года, мужа нет, и если она так дальше себя будет вести, то не будет никогда. На работу надо выходить, дети уже большие, по два года четыре месяца – в детский сад уже пора. На людях будет работать – хочешь не хочешь, а лоск на свои перышки наводить придется. Глядишь, и ухажер появится...

Она причесалась, поплотнее запахнула халат, сунула босые ноги в тапки. К Ольге пойд-дет... Открыла дверь и вздрогнула: на пороге стоял незнакомый солдат. Улыбка до ушей, глаза – два медных пятака на солнце; шинель, как в песне – пуговицы в ряд, ярче солнечного дня... Шапка набекрень, погоны толщиной с паркетину, аксельбанты, белый ремень, сапоги со шнуровкой. В руке чемодан.

– Здравия желаю! Здесь Серегины живут?

– Здесь... – обомлела Настя.

«Неужели с Гариком что-то случилось?»

– А я от Гарика!

– Что с ним?

– Ничего, – нахмурился парень. – Пока ничего...

– Что значит «пока»?... Да ты заходи, заходи...

Солдат кивнул, в торжественно-важном величии прошел в дом. Осмотрелся.

– Извини, у нас не убрано, – смутилась Настя.

– Ничего, ничего. Я и не к такому привык...

– А к какому?

– Разве Гарик в письмах не писал?

– Писал...

- Где служит, писал?
- Да, в Средней Азии служит. Марыйская область.
- И все?... Да, кстати, меня Дима зовут. Демобилизован, еду домой, – гордо сообщил он.
- К вам проездом вот заскочил, пару слов про Гарика сказать...
- Ну, говори, говори...
- Раздеться можно?

Дима снял шинель, под непосильным бременем собственной важности повернулся к Насте. Она же и не пыталась сдержать вздох восхищения. Дима, оказывается, был настоящим героем. На левой стороне груди бесчисленное количество медалей с золотым отливом, на правой – значки в три длинных ряда.

- Это ж откуда столько?
- Оттуда... Из Афганистана, – скромно ответил герой.
- Из Афганистана? – похолодела Настя. – Что, и Гарик сейчас там?
- Там.
- Как же так? Он же писал, что в Союзе служит...
- Все так пишут, а на самом деле... Я, наверное, не должен был вам это говорить, но раз уж так вышло... Я бы чайку попил.
- Да, конечно...

Настя провела Диму на кухню, усадила за стол, поставила чайник, взяла тряпку, чтобы навести хоть какой-то порядок.

- Я не про такой чай, я про солдатский, – весело сказал парень. – У меня в чемодане...
- Он вышел в прихожую, вернулся с бутылкой водки и двумя большими жестянками – без этикеток, в какой-то смазке.

– Тушенка. Торт к солдатскому чаю, – бравурно пояснил Дима. – Можно на хлеб. Можно с макаронами...

Макарон в доме не было, зато нашлось полпакета вермишели. Настя поставила воду, Дима открыл консервы.

- Ты мне про Гарика расскажи, – сглотнув комок, попросила она.
- Да что там, воюет парень...
- Как же так!
- Ничего страшного. Год он уже отслужил, еще год остался, скоро домой вернется...
- А если нет?
- Он парень геройский, не вопрос. Но я тоже за чужими спинами не прятался. А домой вернулся. И ваш вернется...

Настя не всегда была довольна своим братом, иногда убить его была готова. Но как ни крути, а она любила Гарика и сейчас очень переживала... Хорошо, что мама спит, ничего не слышит. Она потом ей сама все расскажет...

- Как он там?
- Ничего, все в порядке... Условия, правда, не фонтан...
- Что, условия?
- Говорю же, у вас дома все равно что во дворце по сравнению с тем, что там. Из окопов не вылезаем. А если вылезаем, то в атаку или в разведку...
- Страшно там?
- Жуть. Самолетов у «духов» нет, но минометы житья не дают. Каждый день артобстрел, головы не поднимешь. А когда в атаку, то вообще... Я сто пятьдесят... Нет, врать не буду, сто сорок восемь раз в атаку поднимался... Я вам так скажу: там так страшно, что если раз в атаку поднялся, уже герой...

– А ты сто сорок восемь раз в атаку поднимался? – восхищенно спросила Настя.

– И в разведку двести... Нет, сто девяносто четыре раза ходил... «Языков» брал, диверсии устраивал... Это ты, Настя, наверное, думаешь, что я герой. А я так тебе скажу: все мы там герои. Под пули, в бой. И для нас это так же легко, как стопку водки...

Дима разлил водку по стаканам. Настя отказываться не стала. Как с таким героем не выпить... Да и вообще душу надо успокоить...

– А Гарик там как?

– Говорю же, Гарик молодец. Воюет, «духов» на раз мочит. Человек за триста положил... Да какие они там человеки? Дерьмо!.. Я вот восемьсот «духов» положил...

– Ого!

– На войне как на войне! Сто «духов» убил – медаль, еще сто «духов» – еще медаль... У меня их восемь...

– А у Гарика?

– Ну, если у него триста «духов» на счету, то три... И за разведку еще одну дали...

Дима не скупился, граненые стаканы наполнял до краев. И пил геройски – двести граммов, не отрываясь. Вермишель еще не сварилась, а бутылка уже опустела. К счастью, в чемодане была еще одна...

Вторую бутылку начали уже под горячее. Но первые стопки, выпитые без закуски, уже дали о себе знать. Настя чувствовала, что пьяна...

– Помню, был один случай, – заплетающимся языком говорил Дима. – Идем, значит, мы с Гариком... э-э, то есть ползем. Минное поле, колючая проволока, но спокойно все... да, спокойно. А потом, ля, смотрим, летит... Оперативно-тактическая ракета летит. Сначала вверх, потом раз, и вниз, прямо к нам. Ну, думаю, ядерная боеголовка, сейчас, думаю, как шандарахнет... Шандарахнула! Заряд был обычный, но все равно мы потом с Гариком три дня на ничейке пролежали, с контузией. Санитарок ждали, а не было никого. Сами когда оклемались, обратно вернулись. А там начальство...

Парень отчаянно махнул рукой, осуждая кого-то, с кем он не мог ничего поделать.

– Мы в окопах, под открытым небом, а у них блиндажи, все в коврах, санитарки, связистки – все для них... Но ничего, санитарки нас любили, солдат, а к офицерам по принуждению ходили... Сходят к ним, а потом к нам. И связистки тоже... У меня роман с одной был... Такая же красивая, как ты, была...

– Ну да ладно, красивая, – зарделась Настя.

– Красивая, красивая... Я бы на тебе женился... А может, и женюсь...

– Ты такой герой, а я...

– Герой!.. Ася, мне бы немного поспать.

– Я не Ася, я Настя.

– Ну да, Настя... В поезде я ехал, ночью вагон соседний загорелся, тушить помогал... Мне бы поспать немного. А потом продолжим... У меня деньги есть, мне костюм купим, тебе платье свадебное... Настя, мне бы поспать...

Дима клевал носом. И если бы Настя не отвела его к себе в комнату, он бы заснул прямо за столом.

Она уложила его в свою постель, заботливо накрыла одеялом. Неказистый на вид парень. Роста ниже среднего, худой, некрасивое лицо... Но зато какой герой. Настя подумала, что могла бы лечь в постель с ним. Давно мужика у нее не было, а тут такой герой. Восемь медалей, с ума сойти! Но дети смущали. Они еще маленькие, ничего бы не поняли. И все равно неудобно...

Настя вернулась на кухню, вылила в стакан остатки водки, залпом выпила. Для успокоения души. Гарик в Афганистане, под огнем проклятых душманов, его в любую минуту могут убить... И все из-за кого это? Кто его в армию отправил?...

Рука снова потянулась к бутылке. Но пусто. Может, у Ольги есть... Настя снова направилась к соседке, и на этот раз ее никто не остановил.

Ольга жила одна с ребенком в двухкомнатной квартире. Недавно ремонт сделала, чистота у нее и порядок. Выпить она любила, но слабости своей не потакала. Но если выпить не захочет за свой счет, то хотя бы денег одолжит на бутылку... Настя настроила себя на не совсем приятный разговор с Ольгой, нажала на клавишу звонка. Но дверь ей открыла Инга.

– И ты здесь? – хищно сощурилась Настя.

– А что? – Инга удивленно повела бровью.

Модное каре, косметика, нежный джемпер из белой ангорки, темно-синие джинсы в обтяжку. Для своих лет она выглядела отменно. Насте стало завидно, и это еще больше усилило ее праведный гнев.

– А то ты не знаешь! – уперев руки в бока, воскликнула она.

– Настя, ты чего кричишь? – спросила появившаяся Ольга.

– А разговор есть...

Настя зашла в квартиру, оттолкнув Ингу, закрыла за собой дверь.

– Ты чего бузишь? – снова спросила Ольга.

– Да вот, про Гарика узнала...

– Что узнала?

– Узнала, куда он служить попал. Из-за некоторых...

Настя колко, с осуждением глянула на растерянную Ингу.

– Одни сначала дают, а потом из-за них людей в Афган отправляют.

– Кого в Афган? – всполошилась Инга.

– Гарика. Да, в Афган. Из-за тебя... Ты сейчас здесь, в тепле, а он там, под пулями, в холоде и грязи... Или ты думаешь, я не знаю, кто его туда сплавил. Муженек твой! Чтобы Гарик глаза ему не мозолил!..

– Да что ты знаешь! – вспылила Инга.

– Знаю! На черта Гарика совратила?

– Настя, уймись! – вмешалась Ольга.

И так крепко, с болью, взяла ее за руку, что злоба вдруг отступила.

– А чего она? – по-бабски слезно всхлипнула она.

– Чего, чего... Не было у них с Гариком ничего!

– Ну, не было так не было, – успокаиваясь, пьяно махнула рукой Настя.

– Не было, – заученно и вяло подтвердила Инга.

– А Валера твоего брата от беды отваживал, – снова вступилась за нее Ольга. – Чтобы он в армии человеком стал...

– А он не просто человек, он герой...

– Вот видишь.

– А если его убьют?

В комнате установилась тягостная тишина. Инга сидела с опущенной головой. Как будто она действительно была виновна в том, что Гарик попал в Афган... А ведь виновата она был всего лишь в том, что спуталась с ним.

Гарик твердил, что не было у него ничего с Ингой у нее на свадьбе, она пела то же самое. Но Настя догадывалась, что эта байка для кретинов. А Валеру Шишова можно было назвать рогачом, но никак не идиотом. Не поверил он Инге, ушел от нее. И только совсем недавно вернулся к ней. И снова баба расцвела, снова жить начала...

– Инга, ты прости меня, дуру! – повинилась Настя.

Подсела к женщине, обняла ее, уперлась лбом в ее плечо.

– Да ладно, чего уж там...

Инга нежно провела рукой по ее спине. И у Насти бы отлегло от души, если бы она не знала, где сейчас находится Гарик.

* * *

«КрАЗ» натужно ревел, взбираясь вверх по склону горной дороги. Гарик смотрел на дорогу, но все чаще взгляд его скользил по ее окрестностям. Колонна идет в Кандагар, восемнадцать «наливников» с горючим, девять грузовиков с боеприпасами. Боевое охранение вроде бы не дремлет, вертолеты нет-нет пронесутся над головами, но ведь и «духи» не навоз курят. Им за радость пару-тройку машин взорвать, засады на дорогах давно уже не редкость...

Все-таки прав оказался Димка, отправили Гарика в Афган. Второй год службы, пятый месяц в длительной командировке. Лагерь в районе Шинданта, многорядная колючка вокруг сборно-щитовых сооружений, необустроенность и дизентерия. И страшные рейсы на Кандагар. Страшные для кого-то, но Гарика везет, он еще ни разу не попадал в переделку...

Горы закончились, машины втянулись в долину реки Аргендаб; местность ровная, с одной стороны виноградники, с другой пустыня до самых гор. Казалось бы, засады удобней устраивать в горах, но нигде Гарик не видел столько побитой техники, как здесь. Выгоревшие остовы танков и бронетранспортеров, сожженные грузовики... Страшно. Руки все крепче сжимают баранку руля, как будто это может спасти машину от гранатометного выстрела. А это верная смерть. Машина под завязку загружена снарядами, если рванет, то все – на молекулы взрывом разбросает, даже домой в гробу нечего будет отправить.

Где-то позади громыхнуло. Гарик вздрогнул, услышав в радиоэфире взволнованный голос командира.

– «Духи»!.. Не останавливаться! Вперед, вперед!..

Идущие впереди машины увеличивают скорость, пыль из-под колес поднимается клубами. Но куда страшней тротиловая гарь, которая ввинчивается в воздух где-то позади. Там стреляют, там жарко. А Гарик несется на своем «КрАЗе» вперед... Страшно ему, но интуиция подсказывает, что и на этот раз все обойдется...

И ему снова повезло. Восемь первых машин, в числе которых шел и его транспорт, вырвались из-под обстрела без потерь. Не повезло «наливнику», шедшему в середине колонны. Прямое попадание в цистерну, взрыв, пожар, вдобавок машину развернуло поперек дороги. Образовалась пробка, а «духи» продолжали стрелять, пока боевое охранение не загнало их в глубь «зеленки».

В тот день сгорело три машины и взлетел на воздух «КрАЗ» со снарядами. Шесть «двухсотых», восемнадцать «трехсотых». Кровь, стоны, вертолеты с ранеными... Но Гарик всего этого не видел. Его машина благополучно добралась до элеватора за рекой, а там блокпост и танки...

Но везение штука не постоянная, оно может изменить. Гарик не хотел думать, что может тогда случиться...

Глава 7

Автоколонна возвращалась в Шиндант. Март, весна, хочется жить. А это последний рейс. Боеприпасы в город Фарах отправлены, задание выполнено – совсем скоро все закончится. Не сегодня так завтра Гарик со своим батальоном отправится в свою часть, к месту ее постоянной дислокации. Возможно, в сентябре-октябре он снова окажется в Шинданте, как это случилось с его бывшим «шефом» Димой. Парню на дембель идти, а его в Афган. На один рейс его хватило, а там и приказ по части – рядового Лазурского уволить из рядов Вооруженных сил и отправить домой... Даже под обстрелом Дима не побывал. Что, впрочем, ничуть его не расстроило...

И Гарик еще раз может вернуться в Шиндант. И он также не расстроится, если эта командировка закончится благополучно... Полтора года в строю, из них почти год в Афгане, и ничего. Месяц назад снова под обстрел попал. Колонна остановилась, сам он залег, выставил из-за камня автомат, чтобы отстреливаться от душманов, но так ни разу и не выстрелил. Не в кого было стрелять. Стрельнули «духи» проклятые и ушли от греха подальше...

Спокойно было у Гарика на душе. Он точно знал, что ничего уже с ним не случится. Но все же обидно. Столько времени здесь, столько рейсов, а ни разу даже «духа» не увидел. Даже из автомата пострелять не пришлось. Домой вернется, и рассказать будет нечего. Был бы орден у него или хотя бы медаль, он мог бы позволить себе хранить величественное молчание. Но нет ничего, только обычные значки – «Классность», «Отличник ВС». Не уподобляться же Диме, которому из дома прислали юбилейные медали его покойного деда. Их он и нацепил. Придуток...

Ночь, темно, хочется спать. Но Гарик – бывалый водитель, он умеет терпеть. Скоро колонна вернется на базу, машины займут свое законное место в автопарке, а он отправится в свой фанерный модуль, завалится спать, не раздеваясь... Скорей бы...

Гарик зевнул, глаза закрылись сами по себе. И только усилием воли он смог бы вырвать себя из теснины сна...

От грохота заложило уши, взрывная волна перетряхнула тело. В глазах заискрило, а затем все потухло, сознание заволгло непроницаемо черной пеленой... В первое мгновение Гарик решил, что это сам организм подал ему столь мощный сигнал бедствия. Но еще до того, как заклинило голову, он понял, что в машину попала граната...

Совершенно не чувствуя своего тела, на автопилоте он вывалился из машины. Подняться не смог, куда-то пополз, ничего не соображая, пока совсем не потерял сознание...

Очнулся Гарик в санитарной машине. Он лежал на машине, нижняя часть тела как будто парализована, но голень правой ноги напигована горячими иголками. Рядом вечно пьяный фельдшер Коновалов. «Таблетка» несется быстро, ее трясет на ухабах, кидает на поворотах, а прапорщик спит.

И только в полевом госпитале Гарик выяснил, насколько плохи его дела. Оказывается, машина подорвалась на мощной транспортной mine. Сработай заряд под колесом, вряд ли бы Гарик выжил. Но мина реагировала на саму машину, и до подрыва находилась она в «спящем» состоянии. Специальный регулятор настроил ее на определенную частоту, на пятую, десятую или двадцатую машину. Настроил ее на грузовоз, который вел Гарик. От верной смерти его спасла кразовская коробка передач, которая и приняла на себя основной заряд. Кабину не разорвало и водителя не разметало в куски. Но серьезно пострадала нога. Ступню и голень разворотило так, что врачи всерьез задумались об ампутации.

– Или здесь резать, или в Ашхабад везти, – решил один хирург.

– А если не успеем? – озадаченно спросил второй. – Если гангрена?

– Надо успеть... У парня вся жизнь впереди...

Гарика обкололи обезболивающими и антибиотиками, отправили на военный аэродром, откуда он тотчас был переправлен в Союз...

* * *

Гарик с недоумением смотрел на стройного, плакатно бравого полковника в наглаженной форме. Указом Президиума Верховного Совета рядовой Серегин награждался орденом Красной Звезды.

Полковник вручил ему коробочку с наградой, орденскую книжку, крепко пожал ему руку и, как показалось Гарiku, облегченно вздохнув, быстрым шагом вышел из палаты. Он был паркетным офицером, и его коробил запах гнойных бинтов и карболки.

Первым отреагировал на событие Лева Смыкин.

– Поздравляю, братан!

С трудом поднявшись с койки, он попытался было встать, но Гарик сам подошел к нему, протянул руку – принял поздравление. И только затем спросил:

– За что?

Он действительно не понимал, почему его наградили. Если бы медаль вручили, «За боевые заслуги», то было бы удивление, а тут целый орден...

Такой же орден был у Левы Смыкина и Анвара Бахитова, но с ними все ясно – один в разведроту служил, другой в десанте, оба в таких переделках побывали, что Гарiku и не снилось. А он только и делал в Афгане, что баранку крутил...

– За то, что жизнью рисковал, брат, – на полном серьезе сказал Анвар.

Прихрамывая на костыле, он подошел к Гарiku, протянул ему руку.

– Если б хоть одного «духа» завалил, а так не понятно.

– А рейсов у тебя сколько?

– До Кандагара семнадцать, на Фарах еще больше. И на Кушку ходили через Герат...

– Снаряды возили, – подсказал Женька Степанок.

Он служил в мотопехоте, орденов у него не было, но две боевые медали говорили о многом.

– И снаряды, – кивнул Гарик.

– Я бы обосрался со страху, если бы в такую машину сел, – широко улыбнулся Смыкин. – А сколько до Кандагара ехать?

– Если от Шинданта, то за полтысячи верст будет.

– И семнадцать раз туда-сюда... Ты, Гарик, шлангом не прикидывайся, – усмехнулся Степанок. – У мамы своей спросишь, за что «Звездочку» получил. А нас грузить не надо. Орден обмыть надо, и если зажал, так и скажи, ну его на фиг, пацаны...

– Кто зажал?! – взвелься Гарик. – Я зажал?! Да сей момент!

Было бы смешно, если б в госпитале не существовал запрет на спиртное. Но еще смешней, если бы это табу нельзя было нарушить. Правда, достать водку – дело не простое. Если родные привезут или знакомые – хорошо, а самому достать магарыч нелегко. Для этого нужно как минимум выйти за проходную госпиталя. Вино-водочный магазин недалеко, но после двух всегда очередь. Хотя поговаривали, что там для пацанов-«афганцев» делают исключение.

В расчете на поблажку Гарик и прихватил с собой орден. Деньги были, тридцать рублей, как раз на три пузыря.

Гражданской одежды у него не было, форма заперта в кладовке, но на улице лето, сухо и тепло – запросто можно расхаживать по улице в халате и тапках. Тем более что госпитальный парк большой, и в больничной одежде легче будет добраться до контрольно-пропускного пункта. А там уже думай, соображай, как договориться с вахтой.

Был еще один путь – через забор. Но Гарику пока рано думать об этом: ходить он может, но с высоты прыгнуть будет больно.

В Ашхабаде врачи сделали ему операцию, после чего отправили в Москву. Здесь он снова лег на операционный стол. Хирурги сотворили чудо – мало того, что спасли его от ампутации, так уже к июню поставили на ноги. А в конце июля и вовсе обещают выписать. Словом, Гарику очень повезло...

На проходной дежурил молодой сержант-срочник. Гарик внимательно посмотрел на него. Хлипкий на вид парень, глаза добрые, как у послушной лошади. Такой пропустит...

– Слышь, братишка, тут такое дело, орденом сегодня наградили. Обмыть это дело надо. Может, сходишь, тут недалеко...

– Нельзя мне, – замялся сержант. – Я и так на зачетке... Может, сам, а? Если что, скажешь, что через забор прыгнул. А обратно я тебя пропущу...

Гарик беспрепятственно добрался до магазина, подошел к голове очереди.

– Мужики...

На этом разговор и закончился. Широкоскулый парень с красными глазами молча взял его за рукав, поставил во главу очереди.

– Никаких проблем, пацан...

Водку он спрятал под халат; вышел на тротуар, тянувшийся вдоль серой стены к самой проходной. Место зеленое, тихое, людей мало, машины почти не ездят.

Он подходил к старым, намертво запертым воротам. Его насторожила черная «Волга» с зеркальными окнами. Машина стояла, передом почти вплотную уткнувшись в ворота. Обойти ее не составляло труда. Но только Гарик сделал шаг в сторону, как водительская дверца вдруг резко открылась. Автоматной очередью прозвучал звонкий женский голос.

– Комцу мир, русиш зольдат!

Гарик от неожиданности дернулся, отчего все три бутылки водки вывалились в штаны, выскользнули через них вниз, попадали на асфальт. Две разбились вдребезги, одна уцелела.

Он подобрал «выжившую» бутылку, озлобленно глянул на виновницу своего несчастья.

– Ты чо, дикая?

Он мог бы и обложить ее матом, но слишком хороша была девица. Светлые пушистые волосы, красивые истомленно-улыбающиеся глаза, правильные черты лица, сочно накрашенные губы, пышная грудь под тесной майкой, белая джинсовая юбка, гораздо больше нежели наполовину обнажающая стройные загорелые ноги, которые она держала на педалях управления.

– Извини, я не хотела.

Девушка уже поняла, какую ошибку совершила. Но не было раскаяния в ее голосе. И глаза нагло смотрели на Гарика.

– И как тебя только в детстве не придушили, – сказал Гарик, собираясь уходить.

– Как ты сказал? – неожиданно развеселилась она. – В детстве? Не придушили?... Ну, ты прямо как мой папка!

– Плевать мне на твоего папку! И на тебя тоже!

Гарик уже думал о том, у кого бы перехватить пару или хотя бы один червонец, чтобы восполнить потерю. Глупо было бы заикливаться на красотке. Видно, что не из его круга девушка. На «Волге», шмотки явно заграничные. Такая только с фирменными мальчиками дружит, Гарик не про нее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.